

Приложение IV

БОРОДИНО

Бородинская операция 1812 года

Публикуется по: Генерал-майор А. Байов. Курс истории русского военного искусства. Выпуск VII. Эпоха императора Александра I. СПб.: 1913. С. 385–472

1. Краткий очерк войны 1812 года до Бородинской операции

По Тильзитскому договору 1807 года Россия обязалась присоединиться к континентальной системе, заключающейся в том, чтобы в портах Европы не допускать английских судов и английских товаров на судах каких бы то ни было наций, и установленной Наполеоном, чтобы подорвать торговлю и промышленность Англии, лишив ее источника средств и сил, и тем сделать ее неспособной не только к активной, но даже и к пассивной борьбе с Францией.

Присоединение России к континентальной системе прекращало наши торговые сношения с Англией и вообще в значительной степени сокращало нашу внешнюю торговлю и подрывало наше финансовое положение.

Это обстоятельство, в связи с тем, что от результатов континентальной системы больше страдали у нас высшие классы, проживавшие в крупных городах, и как раз в это время весьма недовольные желанием правительства ограничить привилегии дворянства и освободить крестьян, привело к тому, что с 1810 года в выполнении условий континентальной системы стали делаться

различные послабления, в значительной степени подрывавшие ее значение и уменьшавшие ее последствия.

Конечно, это не могло нравиться создателю континентальной системы, Наполеону, который в этих послаблениях видел нарушение интересов Франции.

Наполеон требовал от России самого строгого выполнения континентальной системы, а император Александр I считал это невозможным.

Таким образом, явились разногласия между императором Александром I и Наполеоном, которые и послужили основной причиной нашей третьей войны с Францией, 1812 года, впоследствии названной «Отечественной».

Кроме этой главной причины войны 1812 года, были еще и другие, из которых каждая не имела особенного значения, но совокупность которых вносила взаимное раздражение между Россией и Францией и указывала, что интересы этих держав слишком противоречивы, а характер и стремления их властителей слишком различны.

К числу таких причин войны 1812 года необходимо отнести:

1) Нерешительность действий нашего 80-тысячного корпуса, который мы, согласно Тильзитским условиям, должны были выставить против Австрии в 1809 году.

2) Стремление Наполеона восстановить Польшу, русским оружием лишенную самостоятельного существования.

3) Оставление Наполеоном без всякого внимания протеста императора Александра I относительно захвата французским императором среди других стран и герцогства Ольденбургского, владений дяди Александра I, независимость которых была обеспечена одной из статей Тильзитского договора.

4) Отказ императора Александра I отменить введенный у нас в 1810 году запретительный тариф, наносивший вред сбыту у нас французских предметов роскоши, но поощрявший отечественную промышленность.

5) Отказ императора Александра I выдать замуж за Наполеона сестру свою, великую княжну Анну Павловну.

Постепенно накапливавшиеся взаимные неудовольствия между Россией и Францией привели Наполеона в конце 1810 года к решению приступить к подготовке к войне с целью вторгнуться в Россию и отбросить ее к пределам Азии.

Однако, начав свои приготовления, Наполеон все же поддерживал сношения с Александром I, делая даже как будто попыт-

ки к примирению, а в действительности желая лишь выиграть время.

Оттянув начало войны до весны 1812 года, Наполеон к этому времени для похода в Россию сформировал армию, силою в 600 тысяч человек, в числе которых, кроме французов, были итальянцы, баварцы, саксонцы, поляки, вестфальцы, виртембергцы, баденцы, пруссаки, австрийцы.

Эта так называемая «великая армия» разделялась на гвардию, 12 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпуса, причем корпуса были различной силы и состава.

В начале 1812 года войска великой армии двинулись с разных концов Европы в Россию и в герцогство Варшавское, и в мае заняли левый берег Вислы от Эльбинга до Пулавы. В Данциге, Торне, Люблине и других пунктах на Висле устроены были огромные склады продовольственных и боевых запасов и заготовлены были в самых обширных размерах средства для перевозки их за войсками.

В конце мая Наполеон прибыл в Кенигсберг и двинул свою армию к русской границе, к Неману и Бугу.

Император Александр I тоже не бездействовал и с 1810 года, когда война с Францией сделалась более чем вероятной, Россия также подготавливалась к предстоящему столкновению с Наполеоном.

К весне 1812 года нам удалось, благодаря дипломатическому таланту Кутузова, заключить мир с Турцией и привлечь к союзу Швецию. Англия помогала нам деньгами, а Португалия и Испания, воюя с Францией, отвлекали значительные силы Наполеона.

Свою армию мы успели довести до 480 тысяч человек.

Впрочем, поставленные в необходимость иметь до поры до времени значительные силы в Молдавии, в Финляндии, на Кавказе и в Крыму, мы для первой встречи с Наполеоном могли выставить не более 215 тысяч человек, расположенных на западной границе. В общем, здесь было: 10 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпуса и 3 казачьих отряда, всего 249 батальонов, 262 эскадрона 36 казачьих полков и 934 орудия.

В соответствии с намеченным планом действий все эти войска были распределены на три армии: 1-я Западная армия, под начальством Баркляя-де-Толли, в составе 6-го пехотного, 3-го кавалерийского корпусов и летучего казачьего отряда, всего силою в 131 тысячу человек при 550 орудиях, расположилась вдоль границы от Россиен до Лиды, имея главную квартиру в Вильне.

2-я Западная армия под начальством Багратиона состояла из 2-х пехотных, одного кавалерийского корпусов и одного казачьего отряда, всего силою до 40 тысяч человек и 216 орудий, она расположилась между верхним Неманом и Бугом с главной квартирой в Волковыске. Между 1-й и 2-й армиями был промежуток в 100 верст.

3-я Западная армия Торماسова, в составе 3 пехотных, 1 кавалерийского корпусов и 1 казачьего отряда, всего до 44 тысяч человек и 168 орудий, стояла в Волини и Подолии, имея главную квартиру в Луцке.

Ближайшими поддержками обеих армий являлись: 1) формируемая в Москве 27-я пехотная дивизия Неверовского силою около 9 тысяч человек и 2) вторые батальоны пехотных и запасные эскадроны кавалерийских полков, которые, общей численностью до 30 тысяч человек, располагались в Риге, Динабурге, Двинске, Борисове, Бобруйске, Мозыре и Киеве.

Таким образом, армия Наполеона обладала численным превосходством и, кроме того, во главе ее стоял великий полководец, военный гений которого был признан всеми. Но зато Наполеоновская великая армия более чем на половину состояла из иностранцев, которые силою были вовлечены Наполеоном в войну, не знали, за что им приходится драться, и, конечно, шли в далекую и чуждую Россию без всякого воодушевления. К тому же, наполеоновские маршалы, стоявшие во главе корпусов, за редким исключением были плохо подготовлены и не отличались самостоятельностью и инициативой. Наконец, отрицательной стороной армии Наполеона являлось то обстоятельство, что он при организации высшего командования дал волю своим родственным чувствам и не по заслугам и дарованиям во главе отдельных групп армии поставил своего пасынка, вице-короля Италии, и своего брата, Иеронима.

Что касается русской армии, то ее численный недостаток искупался прежде всего однородным ее составом, воодушевленным едиными чувствами преданности к Монарху и любви к родине, в защиту которой армия готова была принести всевозможные жертвы.

Постоянные войны предшествующих времен дали армии богатый боевой опыт. Большинство старших начальников своим положением были обязаны своей боевой службе, и многие из них сражались под знаменами великого Суворова, являясь теперь преемниками его школы. Нравственный дух солдат, доказавших

уже неоднократно свою способность померяться с наполеоновскими войсками, был очень высок. Вся армия горела желанием смыть позор унижительного Тильзитского мира и, призванная теперь для защиты родного очага, несмотря на свою малочисленность, представляла собой грозную силу, с которой нужно было серьезно считаться.

Готовясь к войне с Россией, Наполеон, посредством хорошо организованного шпионства, получил точные сведения о приготовлениях России и о предположениях Государя. Он сам отлично изучил предстоящий театр войны, а также прежние походы на нем, особенно походы Карла XII.

В России, благодаря деятельности нашего военного агента в Париже, графа Чернышева, точно так же имелись отличные и подробные сведения о французской армии и о приблизительных намерениях ее вождя.

Конечным предметом своей борьбы с Россией Наполеон ставил овладение Москвою. Он по этому поводу говорил: «Если я возьму Киев — я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце».

Зная хорошо театр войны, численность и расположение русских войск, Наполеон в основу операций против армии противника, стоявшей на пути достижения его конечной цели, кладет идею прорыва центра нашего расположения, причем ближайшей задачей ставит себе занятие Вильны, важнейшего узла кратчайших путей от границы на Петербург и Москву в районе, севернее Полесья. Дальнейшие действия Наполеон не намечал, ставя их в зависимость от обстановки в момент занятия Вильны, но не упуская из виду конечную цель войны.

Для выполнения своего плана Наполеон разделяет армию на три группы, дав каждой определенную частную задачу, вытекающую из общей идеи плана войны.

Два пехотных и один кавалерийский корпуса, всего около 80 тысяч человек, под начальством вице-короля Евгения, должны были, составляя центр, наступать в промежутке между 1-й и 2-й нашими Западными армиями и совершенно разъединить их; затем эта группа должна была поддерживать связь между обоими французскими крыльями и оказывать им, в случае надобности, поддержку.

Гвардия, три пехотных и два кавалерийских корпуса, всего около 220 тысяч человек, под личным начальством Наполеона, должны были составить левое крыло для действий против 1-й

армии и для наступления в важнейшем направлении, т.е. для нанесения главного удара. Три пехотных и один кавалерийский корпуса, всего около 80 тысяч человек под начальством короля Вестфальского и Иеронима, должны были составить правое крыло и назначались для действий против 2-й армии, главным образом, в целях содействия правому крылу, и таким образом роль его была демонстративной. Кроме того, на эту группу возлагалось прикрытие базы.

Кроме этих трех главных групп, на флангах армии для их прикрытия действовали отдельные корпуса: на левом — корпус Макдональда, который должен был наступать через Тильзит на Ригу, а на правом — корпус Шварценберга, который должен был действовать против 3-й армии Тормасова.

Когда выяснилось, что поляки и Пруссия в предстоящей нашей войне с Францией будут против нас, Александру I пришлось отказаться от сулившего большие выгоды наступательного образа действий против Наполеона и обратиться к обороне.

Наши лучшие военные люди, в соответствии со свойствами русского театра военных действий, имевшего значительную глубину, и с указаниями истории, высказывались, что лучший способ ведения войны против Наполеона в данном случае будет заключаться в противопоставлении наполеоновскому принципу деятельности, его решительности и стремлению к быстрой развязке посредством боя — времени, расстояния, суровости климата, разрушения, отступления шаг за шагом, избегая решительных сражений, но все время беспокоя его фланги и тыл с тем, чтобы вся энергия великого полководца направлялась бы в пустую. Такого же мнения относительно действий против французов сначала держался и император Александр I.

Однако вскоре под влиянием генерала Фуля, прусского офицера, с 1806 года состоявшего на службе в России, Александр изменил свой взгляд — проникнувшись идеями этого бесспорно образованного, но одностороннего человека с узкими взглядами, не допускающими отступления от выработанных им сухих кабинетных теорий и совершенно не знакомого с практикой войны.

В окончательном виде составленный Фулем и принятый к исполнению план войны состоял в следующем: каждая из двух армий, расположенных к северу от Полесья (1-я и 2-я армии), должна отступать перед превосходным в числе противником, не вступая в генеральное сражение, а в то же время другая, против которой неприятель не наступает, должна ударить в тыл противника.

При этом, однако, в расчете на то, что Наполеон, вследствие трудности продовольствования, не введет в Россию очень значительных сил, считали, что отступающая армия не должна отходить назад более 300 верст, а так как полагали, что Наполеон поведет наступление против 1-й армии, то для нее на Двине, в Дриссе, был устроен укрепленный лагерь, в котором она в крайности могла укрыться и выдерживать натиск противника, пока 2-я армия не разовьет свои действия у него в тылу.

3-я армия должна была наблюдать границы Волыни и Подолии.

Крупнейшие недостатки нашего плана заключались в следующем: вместо сосредоточенного расположения всех войск — разбросанное их расположение с промежутком между армиями в 100 верст; отступление не вглубь страны, а всего на 300 верст до искусственно, вне требований обстановки, избранного пункта — Дрисского лагеря; отступление в расходящихся направлениях; добровольное оставление 1-й армией важных направлений, на Москву и Петербург, и возможность предупреждения противником 2-й армии на кратчайшем направлении к Москве.

К этим недостаткам плана нужно прибавить, что командование над обеими армиями не было объединено и их главнокомандующие были совершенно самостоятельны, не подчиняясь кому либо.

С прибытием Александра I в апреле в Вильну фактическим распорядителем обеими армиями являлся Государь, однако, официально это не было объявлено. Таким образом, необходимого единовластия у нас установлено не было; не было также у главнокомандующих армиями «полной мочи».

12 июня 1812 года без всякого предварительного объявления войны левая группа великой французской армии, силою в 250 тысяч человек, под личным начальством Наполеона, переправилась через Неман близ Ковно, не встречая здесь сопротивления с нашей стороны, и 14 июня Наполеон двинулся к Вильне.

Все корпуса нашей 1-й Западной армии, согласно с принятым планом, прикрываясь слабыми арьергардами, отступили по направлению к Свенцянам. Отступление это производилось чрезвычайно искусно и основывалось на предусмотрительном расчете. По мере отступления корпусов они постепенно сближались между собою, чем уменьшался стратегический фронт армии и благодаря чему исчезала опасность ее корпусам быть разбитыми отдельно.

Так как события показали, что главная данная, на которой основывался план Фуля, а именно: предположение о силах вторгнувшегося противника, оказалась совершенно неверной, то в указанный план решено было внести существенную поправку: 1-ю и 2-ю Западные армии соединить у Дриссы, а действия во фланг и тыл противника возложить только на армию Тормасова.

Ввиду этого 1-я армия продолжала отходить к Дриссе, а 2-й армии приказано было следовать туда же через Вилейку.

16 июня Наполеон занял Вильну и тем совершенно разъединил 1-ю и 2-ю армии, предупредив нас на кратчайшем пути к Москве. В это время вице-король со средней группой, переправившись через Неман у Прен, шел к Вильне, а король Вестфальский с правой группой подходил к Гродне и Белостоку. Дальнейшие действия Наполеона сводились к тому, чтобы, пользуясь своим численным превосходством, не дать соединиться Барклаю и Багратиону и разбить их отдельно.

Естественно поэтому, что дальнейшие действия 1-й и 2-й армий должны были свестись к тому, чтобы, уклоняясь от боя, возможно скорее соединиться и не дать разбить себя по частям.

Для достижения своих целей Наполеон 150 тысяч человек из состава правого крыла, под начальством Мюрата, направил за армией Барклая-де-Толли, указав действовать в обход левого фланга последнего; 40 тысяч человек из состава того же правого крыла, под начальством Даву, и левую группу короля Иеронима он направил против Багратиона, причем Иероним должен был теснить 2-ю армию с фронта, а Даву, обходя ее с правого фланга, — предупреждать на всех путях, ведущих к соединению с 1-й армией.

Группа вице-короля в это время находилась у Рудников, чтобы иметь возможность двинуться по обстоятельствам или против Барклая, или против Багратиона.

Армия Барклая, 18 июня выйдя из Свенцяи, 26-го прибыла в Дрисский лагерь.

Мюрат, подойдя к Дриссе и оставив против нее 40 тысяч человек Удино, должен был направиться к Полоцку в обход левого фланга Барклая с целью отрезать его от 2-й армии, Москвы и внутренних губерний. За Мюратом должны были двинуться гвардия и вице-король.

Поняв опасность, угрожавшую 1-й армии, и выяснив все неудобства Дрисской укрепленной позиции, которая была тесна и имела в тылу реку, непроходимую в брод, и допускала скрытый

подход противника к левому флангу. Император Александр I, по решению военного совета 1 июля, повелел в Дриссе для прикрытия путей на Петербург оставить 1-й корпус Витгенштейна, который при первой возможности должен был действовать на сообщения французов, а остальной армии двинуться к Витебску, чтобы сблизиться со 2-й армией и стать на путях к Москве.

Перейдя Двину 2 июля и выступив от Дриссы 4-го, Барклай прибыл в Полоцк 6 июля. Между тем французы свое движение к Полоцку начали только 10 июля и, таким образом, предупредить нас здесь не могли.

В Полоцк из армии уехал император Александр I, не объединив начальствования над обеими армиями, выполнявшими одну и ту же задачу, но сказав Барклаю: «Поручаю Вам мою армию и не забывайте отнюдь, что у меня нет другой».

Не успев предупредить 1-ю армию в Полоцке, Наполеон в тех же видах направил все свои силы к Витебску. 12 июля французские войска достигли Бешенковичей — но уже 11-го числа Барклай прибыл в Витебск, т. е. французы опять не достигли своей цели.

Поджидая 2-ю армию, Барклай решил остановиться в Витебске, расположившись на позиции за рекой Лучесой. Для задержания же втрое превосходного противника Барклай выдвинул по направлению к Бешенковичам три последовательных арьергарда.

18 июля эта задача выпала на долю 4-го корпуса графа Остермана-Толстого, усиленного бригадой драгун, двумя гусарскими полками и ротой конной артиллерии. Всего у Остермана было 8 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы.

Выдвинувшись к Островне, лежащей в 25 верстах от Витебска, и весьма искусно пользуясь местностью, покрытой перелесками и более пригодной для действия его многочисленной пехоты, чем для операций преобладавшей у Мюрата конницы, Остерман в течение целого дня задерживал пылкого короля Неаполитанского, нанося ему весьма чувствительные потери.

Получение Мюратом к вечеру 13 июля значительных подкреплений заставило Остермана оставить позицию у Островны. Его принял на себя высланный в ночь с 13 на 14 июля из Витебска новый арьергард Коновницына, состоявший из 8 тысяч человек пехоты и 3 тысяч конницы.

Коновницын занял позицию у деревни Кукувячино. С фронта эта позиция прикрывалась крутым оврагом, а фланги упира-

лись — правый в реку Западную Двину, а левый — в густой болотистый лес у деревни Пичанки.

Местность у Кукувячины также более способствовала действию пехоты, но задача Коновницына была труднее задачи предыдущего дня, так как у Мюрата 14 июля, кроме 8 тысяч конницы, было еще и 7 тысяч пехоты. Тем не менее, Коновницын выполнил свою задачу отлично, еще более искусно, чем Остерман, использовав свойства местности и опираясь на самоотверженную работу его войск, в высокой мере проявивших взаимодействие в самом широком значении этого слова.

К 15-му июля Барклай образовал у Витебска новый арьергард под начальством графа Палена в составе около 3 тысяч пехоты и 4 тысяч конницы при 40 орудиях. Пален занял позицию всего в 5 верстах от Витебска, уперев свой правый фланг в реку Двину. До 5 часов дня Пален стойко держался здесь, несмотря на то что вынужден был, по условиям местности, растянуть на позиции все свои силы без всякого резерва. Упорные атаки французов одновременно с фронта и с обоих флангов заставили Палена в 6 часов вечера отойти на восточный берег Лучесы. Но в это время и французы прекратили свои атаки.

Оттеснив арьергарды, Наполеон 16 июля намеревался атаковать Барклая. Между тем, 15-го вечером, Барклай, получив известие, что Багратион со своей армией идет к Смоленску, решил в ночь на 16-е скрытно выступить из Витебска.

Еще когда Пален вел бой, около 4 часов дня наиболее удаленные от противника части 1-й армии стали вытягиваться по Смоленской дороге. Остальные войска снялись со своих мест только в сумерки, когда уже стемнело, причем, чтобы скрыть свое отступление, войска на местах своего bivачного расположения оставили множество огромных костров и затем двигались, соблюдая полнейшую тишину.

20 июля 1-я армия прибыла к Смоленску, став таким образом на пути к Москве.

Насколько операция Наполеона обхода 1-й армии с левого фланга была неудачна, настолько удачно Даву выполнил возложенную на него задачу по обходу 2-й армии с правого фланга.

Багратион, получив сведения об отступлении 1-й армии и опасаясь быть от нее отрезанной, сосредоточил свою армию к Волковыску. Здесь он получил приказание о присоединении к 1-й армии. 17 июня вышел из Волковыска и направился через Зельву, Слоним, Новогрудок к Вилейке, преследуемый против-

ником с тыла и с правого фланга; 21 июня Багратион начал переправу через Неман у Николаева.

Здесь Багратион узнал, что Даву занял Ольшаны. Считая его силы гораздо значительнее своих, а с другой стороны, опасаясь нападения со стороны короля Вестфальского, Багратион свернул на Мир, намереваясь отсюда пройти через Новый Свержень на Минск. При этом движении казачий корпус Платова, отступивший из Гродны к Лиде и не успевший присоединиться к своей 1-й армии, шел в арьергарде Багратиона.

26 июня Багратион прибыл в Новый Свержень и здесь получил сведения, что Даву уже занял Минск. Тогда Багратион решил идти через Несвиж к Бобруйску и далее на Могилев. В этот же день 2-я армия прибыла в Несвиж, который находился в 300 верстах от 1-й армии, достигшей в это время Дриссы. Таким образом, вместо того, чтобы сблизиться, обе армии еще более удалились одна от другой.

Сильное утомление войск и желание обеспечить свободное отступление обозов заставили Багратиона дать армии в Несвиже отдых. Расположение здесь армии прикрывал Платов, находясь в Мире.

Между тем конница Иеронима 26 июня заняла уже Кареличи. Вследствие этого, чтобы получить для армии возможность отдыха, Багратион приказал Платову в течение двух дней удерживать во чтобы то ни стало Мир. Ввиду этого Платову пришлось 27 и 28 июня у Мира выдержать упорные бои с конницей противника.

Уменьше Платова разделить и разъединить части противника на поле сражения; учет им характера противника, что дало возможность Платову применить хитрость и устроить неприятелю ловушку; искусное применение демонстрации против фланга, противоположного тому, на который решено было нанести последний удар; внезапность этого удара; своевременное пользование артиллерией; соединение в действиях Платова благоразумной осторожности с решительностью в зависимости от правильно понимаемой им обстановки на поле сражения; наконец, энергия и решительность частных начальников и лихость всей массы казаков, — таковы были особенности действий Платова под Миром, приведшие его к полной победе над неприятелем.

28 июня Багратион выступил из Несвижа, прикрываясь арьергардом Платова, который 2 июля вновь выдержал бой с французской конницей Латур-Мабура, причем, ведя его с таким же

искусством, как и у Мира, он и здесь остался полным победителем. 6 июля 2-я армия сосредоточилась у Бобруйска за рекой Березиной, положив эту преграду между собой и войсками Иеронима.

В Бобруйске Багратион присоединил к себе 6 резервных батальонов, снабдил свою армию 10-дневным запасом продовольствия и, оставив все излишние тяжести, всех раненых и больных, двинулся вдоль Днепра, через Могилев и Оршу, на Витебск, где и предполагал соединиться с 1-й армией.

Между тем Даву, продолжая свое движение через Игумен и местечко Березино, вновь предупредил Багратиона и к 9 июля занял уже Могилев.

Багратион в этот день подошел к Ст. Быхову и решил силою пробиться к Могилеву, для чего войсками VII корпуса Раевского атаковал Даву, прикрывавшего доступы к Могилеву на сильной позиции у Салтановки. У Даву здесь было 17 тысяч пехоты, 3 тысячи конницы и 60 орудий. Раевский же для атаки Даву имел всего 11 тысяч пехоты, 5 тысяч конницы и 108 орудий.

Сила позиции французов, труднодоступной с фронта и вполне обеспеченной Днепром с левого фланга; численное превосходство противника, а также то обстоятельство, что это превосходство являлось следствием главным образом большого числа пехоты, наиболее соответствующей закрытой местности на поле сражения, лишили Раевского тактического успеха в бою при Салтановке 11 июля. Вследствие этого Багратион, не признав желательным повторять атаку, решил через Рогачев, Ст. Быхов, Чериков и Мстиславль идти к Смоленску.

Между тем, упорство атак Раевского 11 июля заставило Даву предполагать, что у нас сил больше, чем было на самом деле, и ожидать повторения атаки на следующий день, а потому вместо того, чтобы перейти 12-го в наступление, весь этот день Даву посвятил усилению своей позиции.

Этим отлично воспользовался Багратион. Удержав Даву искусными демонстрациями Раевского и Платова у Салтановки, он, прикрываемый с левого фланга казаками Платова, двинулся по избранному направлению и 22 июля благополучно прибыл в Смоленск. Таким образом, 1-я и 2-я Западные армии после продолжительных и тяжелых маршей соединились, и план Наполеона разбить наши армии по частям не удался.

Однако армии наши и после своего соединения не представляли собой одного целого, так как командование ими не было

объединено, и оба главнокомандующие были вполне самостоятельны. Багратион был старше Барклая в чине — но Барклай был военным министром и, таким образом, был как бы выше по положению, что еще более усложняло вопрос командования. Впрочем, Багратион добровольно согласился подчиниться Барклаю, но это не было решением большого вопроса, так как Багратион в каждую минуту мог и отказаться от подчинения.

Русские армии, несмотря на то что в 38 дней прошли одна 500, а другая — 750 верст, прибыли в Смоленск в полном порядке, почти без всяких потерь, сохранившими бодрый дух и воодушевленные желанием боя. Общая численность обеих армий в это время достигала 120 тысяч человек.

Напротив того, французская армия к этому времени, потеряв большими и отсталыми до $\frac{1}{2}$ своего состава, была крайне утомлена и пришла в значительное расстройство — как в материальной части, так и в отношении дисциплины и духа. Вследствие этого Наполеон решил своим войскам, наличность которых достигла 185 тысяч человек, дать отдых и расположил их на квартирах на пространстве между Витебском, Суражем и Могилевым, выдвинув авангард к Рудне. Таким образом, армия Наполеона была разбросана на 200 верст.

На правом фланге театра войны в это время Витгенштейн, имея 25 тысяч человек и прибегнув к действиям по внутренним линиям, с успехом оперировал против двух французских корпусов (Удино и Сен-Сира), имевших задачей отрезать Витгенштейна от Петербурга и содействовать корпусу Макдональда осаждать Ригу.

Разбив Удино 18-го, 19-го и 20 июля близ Клястиц, Витгенштейн, после неудачной атаки 5 августа Полоцка, занятого Удино и Сен-Сиром, расположился за рекой Дриссой, прикрывая от превосходных сил французов весь край к северу от Двины. Макдональд, выслав к Риге незначительные силы пруссаков, сам пошел в Динабург и в дальнейшем бездействовал.

Таким образом, хотя Витгенштейн и должен был отказаться от наступательных действий на сообщения французов, но прикрыл путь на Петербург и удержал здесь два корпуса, уменьшив численность главных сил Наполеона на 65 тысяч человек. Вместе с тем, успехи Витгенштейна имели большое нравственное значение, поднимая дух наших войск, вынужденных в большой массе отступать в течение долгого времени.

В то же время на левом фланге театра войны Тормасов, имея 25 тысяч человек после боя у Городечны 31 июля с двумя корпу-

сами противника (Шварценберг и Ренье), также должен был отказаться от мысли развить наступательные действия на сообщения противника — но зато удержал здесь целый корпус Шварценберга, ослабив главные силы Наполеона на 30 тысяч человек.

Значительное уменьшение численности французской армии, ее расстройство, разбросанность ее расположения, более благоприятное для нас соотношение сил, сосредоточенность наших войск, в связи с общим неудовольствием у нас как в народе, так и в армии на непрерывное отступление армий, привели к убеждению некоторых генералов, во главе с Багратионом, и даже самого Государя в возможности при создавшихся условиях оставить прежний способ действий.

Барклай не сочувствовал этому — но, вынужденный уступить общему настроению, решил перейти в наступление, однако, лишь не более, как на три перехода. Такое решение, по существу нелогичное, было вполне естественным для Барклая, который и теперь оставался при убеждении в необходимости дальнейшего отступления вглубь страны и опасался, что при нашем движении на запад Наполеон обойдет нас с правого фланга.

26 июля обе армии, имея впереди Платова, двинулись тремя колоннами, предшествуемыми своими авангардами, к Рудне. Прикрытие Смоленска слева и дороги на Москву было возложено на дивизию Неверовского с одним драгунским и тремя казачьими полками, которая еще 23 июля была выдвинута Багратионом к Красному, в предвидении возможности наступления Наполеона с этой стороны и как опора для разведки в направлении на Оршу и Могилев. Для обеспечения всей операции справа, со стороны Поречья, был выслан боковой авангард на Касплю и казаки — на Холм.

Удачный выбор направления для наступления позволил 27 июля Платову у Малева Болота разбить значительный отряд французской кавалерии; противник отступил по всему фронту; лишь отряд, занимавший Поречье, остался на месте, о чем было сообщено Барклаю нашими войсками, направленными в эту сторону.

Опасаясь, что Наполеон сосредотачивает армию к своему левому флангу и намеревается из Поречья обойти наши армии справа и отрезать их от Смоленска, Барклай 27 июля переводит все войска с Руднинского направления на Пореченское. Но так как в Поречье в действительности никого не оказалось, то он, потеряв 5 дней, вновь возвратился на Рудненскую дорогу, куда и прибыл 1 августа.

При этом 1-я армия расположилась в 40 верстах от Смоленска, у Волоховой и Гаврикова, а 2-я — одним корпусом в 30 верстах от Смоленска, у Надвы, а другим — в 12 верстах сзади войск, расположенных у Надвы.

Наполеон отлично воспользовался пятидневным непроизводительным движением наших армий и, сосредоточив 1 августа к своему правому флангу (к Расасне и Хомину) 190 тысяч человек, двинулся к Смоленску с целью, обойдя левый фланг наших армий, захватить у них в тылу этот город.

На этом направлении до самого Смоленска у нас был единственный отряд Неверовского, который мы только и могли противопоставить гораздо сильнейшему противнику.

В полдень 2 августа Неверовскому из Ляд, где стояли казаки, донесли, что к этой деревне подходят большие силы противника. Неверовский, не желая встретить противника, имея в тылу город, а также плотину и глубокий овраг, проходившие сзади города, занял Красный только одним егерским батальоном и 2 орудиями, а все остальные свои силы расположил на позиции за оврагом к востоку от города. Обозы Неверовский отослал в Смоленск, а для обеспечения отступления через мост в 12 верстах в тылу он отправил туда 1 егерский полк с 2 конными орудиями.

Около 3 часов пополудни перед Красным показался противник, направивший пехоту на город, а конницу — в обход его с обеих сторон. Егеря, занимавшие город, были сбиты, конница и казаки, расположенные на флангах нашего боевого порядка, центр которого составляла пехота, принуждены были к отступлению.

Таким образом, Неверовский остался с одной пехотой, которая наполовину состояла из молодых солдат, еще не бывших в бою.

Послав донесение в главные силы, Неверовский построил свою пехоту в батальонные каре и, отбивая атаки 15 тысяч конницы огнем и штыками, медленно отходил к Смоленску. 40 атак Мюрата были отбиты отрядом Неверовского, который, понеся сильные потери, сплотился в одно общее каре и отходил по дороге, несколько прикрываясь деревьями и канавами, идущими вдоль нее.

К вечеру Ней¹ прибыл к деревне Корытня, где находились высланные им сюда еще утром егеря. Огонь этих егерей и бывших при них орудий, а также наступление темноты остановили дальнейшее наступление французов. Дав своим измученным вой-

скам несколько отдохнуть за деревней Корытня, Неверовский уже в полной темноте быстро двинулся к Смоленску и, пройдя за ночь около 30 верстах, к утру расположился на позиции за оврагом в 6 верстах от Смоленска.

Стойкость неопытной и мало обученной пехоты Неверовского; действия его против атак французской конницы выдержанным залповым огнем из густых колонн; его умение держать в руках войска; его хладнокровие и предусмотрительность; благоприятная для нашего отступления местность, излишняя горячность и неискусство Мюрата привели к тому, что Неверовский своими действиями 2 августа не только сохранил значительную часть своего отряда, но и выиграл время для сосредоточения всей армии к Смоленску.

Получив от Неверовского сведения о наступлении французов Багратион тотчас двинул к Смоленску ближайший к нему корпус Раевского, который и прибыл туда утром 3 августа; днем 3-го же в Смоленск прибыл Неверовский, а уже в 5 часов дня перед Смоленском появились Мюрат и передовые пехотные части французов.

К этому времени общая численность наших сил в Смоленске доходила до 13–15 тысяч человек, а ближайшие поддержки находились в 30 верстах, т.е. они могли прибыть к Смоленску не раньше, как к вечеру следующего дня, и, таким образом, чтобы армия не была отрезана от Смоленска, Раевскому и Неверовскому нужно было здесь держаться во что бы то ни стало не менее суток.

Сосредоточив в течение дня 4 августа под стенами Смоленска постепенно около 100 тысяч человек, Наполеон в этот день, однако, не предпринимал решительных действий, ограничившись только канонадой и попытками атаковать так называемый Королевский бастион, находившийся в юго-западном углу крепостной стены. Но все эти попытки были нами легко отражены.

Поздно вечером 4 августа, благодаря самоотверженной деятельности Раевского, предусмотрительности Багратиона и необыкновенно быстрому движению армии, у Смоленска сосредоточились все наши силы.

В ночь на 5 августа, вопреки желанию большинства во главе с Багратионом, Барклай решил отступить к Соловьевой переправе и далее по дороге на Москву; прикрытия же отступления возложить на корпус Дохтурова, усиленный дивизиями Неверовского и Коновницына, которые должны были сменить Раевского. Эта смена объясняется не только утомлением корпуса Раевского, но

и опасением Барклая, что если оборону Смоленска возложить на войска 2-й армии, то Багратион, воспользовавшись этим и следуя своему убеждению, перейдет в наступление.

Отступление от Смоленска наших армий началось в ночь на 5-е августа. 2-я армия перешла через Днепр и кратчайшим путем потянулась через Лубино к Соловьевой переправе; 1-я же армия в это время располагалась в 2–3 верстах к северу от Смоленска по обеим сторонам Пореченской дороги и должна была начать отступление на следующий день, 6 августа.

Но так как 1-я армия не могла бы уже воспользоваться той же дорогой, по которой отходила 2-я армия, потому что эта дорога проходила слишком близко от Днепра и французов, а должна была идти первое время более кружным северным путем, выходящим на большую Московскую дорогу только у Лубина, то 2-я армия для прикрытия отступления 1-й армии обязывалась выставить сильный арьергард за рекой Колодней.

Всего для обороны Смоленска было оставлено 20 тысяч человек.

Утром 5-го Наполеон всеми силами (всего около 140 тысяч человек) атаковал Смоленск. Неудача его стараний вызвать нас в поле и опасения, основанные на достоверных сведениях от своей конницы, что русская армия вновь предполагает уклониться от решительного сражения, привели Наполеона после 8-часового обстреливания Смоленска к решению штурмовать город.

Крайне энергичные активные действия Дохтурова и прибывшего к нему в подкрепление со своей 4-й дивизией принца Евгения Виртембергского, упорство наших войск и крепость древних Смоленских стен — несмотря на обстрел города 150 орудиями, смелые и настойчивые атаки корпусов Нея, Даву и Понятовского, и вообще на все чрезмерные усилия противника, — сделали штурм безуспешным. Тем не менее, Смоленск был обращен в груду развалин, и дальнейшая его оборона становилась делом рискованным. К тому же, Наполеон мог, переправясь через Днепр выше Смоленска, где были броды, обойти его с востока и, выйдя на Московскую дорогу, разделить обе наши армии и разбить их раздельно. Вследствие этого в ночь на 6-е русские совершенно очистили город, и Наполеон занял, но не взял его.

Оставляя город, корпус Дохтурова, уничтожив мосты, двумя егерскими полками занял на правом берегу Днепра Петербургское предместье, прикрывая таким образом расположение своей армии.

Между тем, Ней после занятия 6 августа Смоленска перевел головные части своего корпуса через Днепр вброд и завязал бой с нашими войсками, занимавшими Петербургское предместье.

Вынужденный для скрытности начать отход всей армией лишь в ночь с 6-го на 7-е, Барклай считал необходимым удерживать Петербургское предместье в течение всего дня 6 августа, что и привело к бою за это предместье, продолжавшемуся до позднего вечера. Под прикрытием этого боя Ней навел мост через Днепр и уже к рассвету 7 августа французы начали переправу.

Между тем, Барклай в ночь с 6-го на 7-е августа начал отступление 1-й армии. Отступление это было произведено двумя колоннами: правая, в составе двух пехотных и двух кавалерийских корпусов, двигалась по дороге на Стабну, Прудищево и Соловьеву переправу; левая, в составе трех пехотных и одного кавалерийского корпусов, была двинута по дороге на Крахоткино, Горбуново, Лубино, Соловьеву переправу.

Таким образом, войска 1-й армии выходили на большую Московскую дорогу, по которой уже отступала 2-я армия, у Лубина. То есть, пока через этот пункт не пройдут войска 1-й армии, особенное значение с точки зрения прикрытия отступления обеих армий приобретал арьергард, оставленный 2-й армией за рекой Колодней, а также — сама деревня Лубина.

Вследствие движения ночью по лесистой местности и за отсутствием, очевидно, каких-либо мер по упорядочению движения полки одного из корпусов левой колонны сильно растянулись, а части 2-го корпуса, входившего в состав этой колонны, попытавшись двигаться через лес без дорог, заблудились.

В результате к 6-ти часам утра 7 августа части 2-го корпуса оказались у деревни Гедеоновой, всего в 1¹/₂ верстах от Петербургского предместья, из которого как раз в это время выходили и выстраивались войска Ней.

Имея в виду, что в это время по дороге Крахоткино — Горбуново — Лубино шли остальные войска левой колонны, и что вследствие этого при отступлении на эту дорогу на нее можно было бы вывести преследующего противника, приходилось войскам, оказавшимся у Гедеонова, принять бой, играя роль бокового авангарда. Ведение боя принял на себя случайно оказавшийся здесь Барклай, которому удалось притянуть к полю сражения шедший сзади левой колонны отряд Корфа и при его содействии удержать ее до тех пор, пока войска, следовавшие по дороге сзади, не миновали Горбунова.

Получив об этом сведения, Корф, которому Барклай передал здесь командование, двинулся вслед за ними. Между тем, для раскрытия направления отступления 1-й армии, Наполеон выдвинул кавалерию Мюрата, два корпуса которой направились правее нее по большой Московской дороге, а один — левее Нея, на Поречье. Мюрат открыл присутствие русских на пути в Лубино.

Князь Багратион, согласно обещанию, оставил за рекой Колодней довольно сильный арьергард из всех родов войск под начальством князя Горчакова. Но последнему было приказано отступить вслед за 2-й армией, как только у Лубина покажутся головные части 1-й армии.

Этим распоряжением фланговый марш Барклая-де-Толли подвергался страшной опасности, так как лишался бокового прикрытия. Князь Горчаков поступил согласно с приказанием и, уходя, оставил только три казачьих полка Карпова. Но начальник авангарда левой колонны, Тучков 3-й, вполне оценил положение и, узнав об отходе Горчакова, по собственной инициативе повернул от деревни Тычирина свой 3-тысячный авангард направо. Необходимо было во что бы то ни стало прикрыть перекресток у деревни Лубина, так как, если бы неприятелю удалось овладеть этим пунктом, все войска, не успевшие миновать перекресток, были бы отрезаны.

Желая задержать противника как можно дольше и не обращая внимания на то, что помощь не могла прийти скоро, Тучков 3-й, минуя несколько прекрасных арьергардных позиций, продвинулся по дороге к Смоленску до реки Колодни, за которой и расположился.

Между тем, по окончании боя у Гедеоновой Наполеон двинул к Лубину Мюрата и Нея; Даву должен был поддержать их в случае нужды; в то же время корпусу Жюно приказано было переправиться на правый берег Днепра через брод у деревни Прудисцево.

Двинув все эти войска для выполнения одной и той же задачи, Наполеон не объединил над ними начальства, а сам, не ожидая в этот день боя, остался в Смоленске.

Медленность действий французов, давшая возможность Тучкову получить подкрепления; не объединение Наполеоном командования над войсками, атаковавшими нашу позицию у Лубина, вследствие чего в действиях французов не было единства; неискусное и нерешительное ведение маршалами Наполеона атак; проявление нашими начальниками в самой широкой мере

частной инициативы; соответствующее занятие Тучковым позиции; умелое и очень активное ведение нашими начальниками и войсками боя и, в частности, прекрасное использование артиллерийского и ружейного огня; искусное использование постепенно подходивших к позиции резервов; своеобразные, но в высшей степени удачные действия конницы Орлова-Денисова; полное взаимодействие войск; проявление взаимной выручки ими и, наконец, самоотвержение и высокая доблесть, проявленные в этом бою войсками и их начальниками — все это привело к тому, что французы, несмотря на свое значительное численное превосходство, не достигли в бою у Лубина каких-либо значительных результатов, и наши армии 8 августа благополучно перешли у Соловьевой переправы через Днепр и направились дальше по Московской дороге.

Против обыкновения, к войне 1812 года мы начали готовиться заблаговременно, причем, выказав в этом отношении значительную долю предусмотрительности, мы вели подготовку с колебаниями, а потому и недостаточно напряженно.

В общем, к давно ожидаемой войне мы в результате не сделали всего необходимого, а главное, не сумели к решительному моменту сосредоточить на важнейшем театре войны достаточные силы.

Положив в основу организации действующих армий правильные начала, утвердившиеся у нас еще в 1810 году, мы, тем не менее, не всегда строго следовали этим началам — и потому 1-я Западная армия была трудно управляемой, так как состояла из 10 единиц, непосредственно подчиненных главнокомандующему армией.

Создав незадолго до войны в высшей степени совершенный закон относительно высшего управления действующими армиями, мы, однако, в начале войны не захотели или не сумели применить этот закон на практике. Вследствие этого у нас не было единоначалия, и главнокомандующие армиями не пользовались необходимой полнотой власти.

Хотя, казалось бы, что присутствие при армии императора, предусматривавшееся и законом, должно было в этом отношении исключить какие бы то ни было как теоретические, так и практические недоразумения. Но, прибыв к армии, император Александр не отдал распоряжения о принятии им на себя командования дей-

ствующими армиями. В то же время, однако, он отдавал нередко приказание отдельным корпусам помимо главнокомандующих — и, наконец, покинув армию, император опять-таки не объединил начальствования в одних руках, что впоследствии не раз приводило к полумерам в операциях и к нерешительности действий и часто ставило армии в крайне тяжелое положение.

Тяжесть этого положения увеличивалась еще и тем, что два главнокомандующих армиями, действующими по одному заданию на одном театре войны, обладали совершенно различными характерами, имели совершенно различные взгляды на образ ведения войны, в то же время взаимоотношения их усложнялись запутанностью относительно старшинства чинов и иерархического положения.

В начале войны нами был принят ошибочный план действий, что прежде всего зависело от того, что, отказавшись от самостоятельности и пренебрегши историческими и географическими данными, мы в этом отношении отдались в руки иностранных теоретиков, которые не сумели учесть при составлении плана войны всех данных национальной обстановки. Вследствие этого принятый нами план войны не соответствовал численности нашей армии, условиям местности, численному превосходству противника, способу его действий, исключительной даровитости его вождя.

В результате получилась чрезмерная разброска наших армий, вероятность раздельного их поражения превосходным в числе противником, крайняя искусственность дальнейших действий, основывающаяся на предвзятых теоретических выкладках, создание вне требований обстановки укрепленного лагеря, куда должны были отходить обе армии и выполнение чего ставило последние в весьма тяжелое положение.

Внесенная вскоре после начала военных действий поправка в план войны была правильна по идее, но способ выполнения ее был принят нерациональный, что отчасти зависело от неблагоприятных последствий «немецкого» плана. И лишь тогда, когда первоначальный план был отвергнут целиком, явилась возможность установить вполне соответствующий обстановке образ действий, приведший в результате к соединению 1-й и 2-й Западных армий и помешавший Наполеону достигнуть поставленной им себе задачи — разбить наши армии раздельно.

Организация маршей-маневров в большей части случаев была достаточно искусная. Направления и пути выбирались правильно, меры, обеспечивающие движение, были целесообразны (впе-

реди конная завеса, перед каждой колонной свой авангард); как при наступлении, так и при отступлении дисциплина марша поддерживалась в полной мере и лишь иногда при исключительно неблагоприятной обстановке движение не было упорядочено; при отступлении отход с позиций или с места отдыха происходил скрытно, что достигалось применением различных хитростей и принятием соответствующих приемов движения.

Для арьергардных боев, которые преимущественно велись нашими войсками в этот период войны, позиции выбирались очень умело, а самые бои, не исключая и сражения под Смоленском, отличались чрезвычайной активностью; в этих боях начальники и войска искусно пользовались местностью и весьма умело употребляли артиллерийский и пехотный огонь, постоянно прибегая к штыковым контратакам.

Наши старшие начальники, начиная с главнокомандующих, выказали большую боевую подготовку и незаурядное военное искусство. В этом отношении особенно отличался главнокомандующий 2-й Западной армией князь Багратион, действия которого показали, что он обладает большим стратегическим талантом, умеет разобраться в самой сложной обстановке, правильно оценить ее и принять соответствующее решение.

Частные начальники, командиры корпусов, выказали необходимую для них самостоятельность и инициативу и искусно пользовались ею всегда, где только представлялась возможность выказывать активность.

Широкая инициатива частных начальников не раз выводила армию из тяжелых положений, в которые ее ставили распоряжения высшего управления, как это было, например, при наступлении наших армий от Смоленска к Рудне. Предвзятость Барклая, в связи с нерешительностью его действий, нарушала логическое течение этой операции и едва не повлекла за собой катастрофу — и только благодаря самостоятельности частных начальников, их инициативе, армии вышли из создавшегося положения более или менее благополучно.

Войска отличались высокими боевыми качествами; мужество и стойкость их были изумительны; в боях они выказывали в высшей степени стремление к взаимной выручке, что приводило в результате не только к единству действий в моральном отношении, но и к тесному тактическому взаимодействию.

Высокие качества войск и стоявших во главе их начальников имели последствием то, что ни одна операция Наполеона,

после занятия им Вильны, в этот период войны не удалась великому полководцу, хотя нашим армиям приходилось действовать в весьма неблагоприятных стратегических условиях и не раз парализовать эти условия чрезвычайным напряжением на полях сражений.

2. Бородинская операция

а) Действия до сражения у Бородина 26 августа.

Перейдя спокойно через Днепр у Соловьевой переправы по четырем наведенным здесь мостам, 2-я армия 8 августа достигла сел Михайловка и Новоселки.

1-я армия в этот день в 4 часа утра сосредоточилась у Соловьевой переправы, а к вечеру перешла на левый берег Днепра и расположилась на ночлег у села Умолье.

Переправу 2-й армии, а также и расположение обеих армий на левом берегу Днепра прикрывала многочисленная конница Платова, широко раскинувшись на правом берегу Днепра.

Тремя полками Кутейникова Платов занимал Бредихино; три полка Краснова составляли резерв Кутейникова на половине дороги от Бредихина к Соловьевой переправе; у поворота с Пореченской дороги на Духовщину, куда были отправлены все обозы и раненые, находился для прикрытия этих обозов один Тептярский полк. От всех этих частей Платов высылал сильную разведку от переправы вниз по Днепру по обеим сторонам реки и поддерживал связь с отрядом Винценгероде, который находился в Духовщине, а также — с указанным Тептярским полком.

В таком положении Платову, образовавшему конную завесу, приказано было оставаться возможно дольше.

К вечеру 8 августа под начальством генерал-майора барона Розена был образован общий для обеих армий арьергард в составе 4 егерских и 3 кавалерийских полков, 4 пеших и 22 конных орудий.

Конница с 2 орудиями была расположена на правом берегу Днепра, у Пневой слободы, а егеря с остальной артиллерией — на левом берегу против самой Соловьевой переправы.

На следующий день, 9 августа, с раннего утра французская кавалерия начала теснить казаков, находившихся у Бредихина. Кутейников отошел к Пневой слободе, где сосредоточилась вся

конница Платова и где с 11 часов утра до 2 часов дня происходили столкновения обеих конниц.

В результате обстрелянная сильной неприятельской артиллерией наша конница, видя вступление в бой пехоты противника, отошла к деревне Соловьевой, прикрывая разрушение мостов на Днестре.

Здесь конница, прибегая к ружейному огню, задержала напор французского авангарда до 6 часов вечера. К этому времени мосты на Днестре были уничтожены и тогда конница, под прикрытием огня 26 орудий аррьергарда барона Розена, перешла вплавь и в брод на левый берег Днестра, где к 9 часам вечера и присоединилась к аррьергарду, который отныне перешел под начальство Платова. Попытка французской кавалерии перейти Днестр вслед за нашей кавалерией была отбита огнем артиллерии и казаков.

Указанные удачные действия конницы Платова и пехоты барона Розена дали возможность обеим армиям спокойно продолжать отступление. К ночи 9 августа 2-я армия расположилась впереди Дорогобужа, имея особый отряд генерал-майора Сиверса на правом берегу Днестра, а 1-я армия — за рекой Ужей у села Усвятье.

После потери Смоленска настроение нашей армии, народа и самого Государя было таково, что Барклай, хотя по-прежнему и признавал необходимость дальнейшего отступления, но, боясь заслужить название изменника и воспользовавшись соединением обеих армий, решил на реке Уже дать решительное сражение всеми силами. Вследствие этого он приказал: 2-й армии сосредоточиться за левым флангом 1-й армии, образуя здесь, где местность была очень открыта, сильный уступ; войскам 10 августа пополнить свои боевые припасы из артиллерийских парков, находившихся в 3 верстах от Дорогобужа; принять из подвижного магазина 10-дневный запас продовольствия, и вообще — подготовиться к бою. В то же время Милорадовичу было послано приказание с подчиненными ему резервами спешить в Вязьму.

Для боя на реке Уже Барклаем была избрана позиция, которую он сам признавал «выгодной».

Между тем, Наполеон, получив 9 августа известие, что русская армия остановилась у Усвятья, решил, что, наконец, наступила для него давно желанная минута генерального боя.

Боясь упустить благоприятный случай, он выступил тотчас из Смоленска. Армия его двигалась тремя колоннами: по боль-

шой дороге, в средней колонне шли: кавалерия Мюрата, корпуса: Даву, Нея, Жюно, и гвардия; в левой колонне, направляясь на Духовщину, шли: кавалерия Груши и корпус вице-короля; в правой колонне, шедшей несколько южнее средней, — корпус Понятовского.

Нерешительность Барклая; перевес у него расчета над всеми другими соображениями; несогласия между главнокомандующими армиями, приведшие к тому, что Багратион забраковал позицию у Усвятыя, несмотря на то что она имела наибольшие достоинства, а крупный ее недостаток — необеспеченность левого фланга, по мысли Толя, парализовался указанным уступным расположением 2-й армии, — все это привело к тому, что уже 10 августа Барклай начал колебаться, дать ли на реке Уже генеральное сражение.

Вследствие этого 10 августа войска, не занимая позиции, были расположены на ночлег несколько не доходя Дорогобужа.

Все приготовления армии к бою 10 августа и ее расположение у Дорогобужа были возможны благодаря блестящим действиям в этот день нашего арьергарда.

С рассветом 10 августа значительные силы французов подошли к самой Соловьевой переправе. Платов, приказав Розену с его отрядом отойти к деревне Михайловка, сам с казачьими полками при поддержке 6 конных орудий некоторое время удерживался на переправе, но затем, уступая численному превосходству противника, стал медленно отходить за Розеном, сдерживая наступление французов и тем давая время Розену устроиться на позиции у Михайловки, где местность очень способствовала действию пехоты.

Оттеснив от переправы Платова, противник стал наводить через Днепр мосты. К полудню мосты были готовы и передовые части французов перешли Днепр.

К этому времени Розен, имея 7 батальонов, 18 эскадронов и 22 орудия, уже занял у Михайловки сильную позицию. В 4 часа дня противник повел атаку на Розена.

Искусное использование в бою егерями местных предметов, которые в изобилии находились на избранной позиции; соответствующее на высотах расположение артиллерии, образовавшей из всех орудий отряда одну батарею; отвечающее свойствам позиции расположение кавалерии позади позиции; в высшей степени активная оборона; умелое действие егерей, прекрасно применявшихся к местности; занятие передового пункта; искусное

расположение и пользование резервами; правильная оценка значения различных участков позиции; сноровистые действия казаков; использование в широкой мере артиллерийского и егерского огня при своевременных и стремительных штыковых ударах; чрезвычайная гармония в действиях всех родов войск, наконец, упорство и стойкость войск — все это дало возможность Розену в течение 8 часов с успехом вести бой с наседавшими в превосходном числе французами и, несмотря на все их усилия и атаки, продолжавшиеся до 12 часов ночи, удержать за собою позицию и тем остановить наступление противника.

Особенностями боя у Михайловки 10 августа, обращающими на себя преимущественное внимание, являются: чрезвычайно искусное пользование капитаном Сеславиным егерями, которых он расположил в кустарниках впереди батареи, и, пользуясь их огнем, не допустил противника расстреливать прислугу орудий; затем пользование светящимися ядрами, благодаря чему атаки французов, произведенные ими в 10 часов вечера и в 12 часов ночи, были отбиты, и, наконец, бездействие нашей конницы, что Розен объяснял особыми условиями местности.

Колебания Барклая относительно принятия на реке Уже генерального сражения продолжались весь день 11 августа; тем не менее, армии заняли то взаимное расположение, которое было указано накануне, т.е. 2-я армия стала уступом за левым флангом 1-й армии, причем Багратион к самой реке Уже выдвинул свой авангард под начальством князя Васильчикова.

Между тем, арьергард, оставив казаков у села Михайловки, с 3 часам утра, по приказанию Платова, стал отходить в село Усвятье. Равнинность местности заставила Розена отходить безостановочно, и вскоре 3 батальонами и 10 орудиями с прикрытием из 4-го эскадрона улан он занял село Усвятье; остальные же свои силы расположил на позиции на правом берегу реки Ужи. В 2 часа теснимый французской кавалерией к Розену присоединяется Платов с казаками, а в 3 часа передовые части французов завязывают бой, в котором принимают участие как арьергард Платова, так и Васильчикова. Бой постепенно разгорался; Багратион уже был намерен двинуть на подкрепление Васильчикова 7-й корпус, но наступившая темнота прекратила бой. Войска обеих армий на ночь остались в сосредоточенном расположении на реке Уже в готовности вновь начать сражение.

Между тем, Барклай получил сведение о движении корпусов вице-короля и Понятовского, которые угрожали флангам русских армий. Это обстоятельство, подкрепляемое его нерешительностью, прекратило колебания Барклая относительно генерального сражения и он принимает решение отходить к Дорогобужу, где приказывает Толю выбрать позицию, на которой возможно было бы принять бой всей армией.

В ночь на 12 августа 1-я армия отошла к Дорогобужу, а 2-я — к Бражину. Для обеспечения армии со стороны вице-короля на правый берег Днепра выдвинуты были 2-й пехотный корпус и 1-й кавалерийский. Арьергарды, прикрывая отход армии, оставались на позиции на правом берегу реки Ужи.

Весь день 12 августа армии отдыхали; арьергарды же с 2 часов дня должны были выдерживать натиск довольно многочисленного противника. Однако крупного боя не разыгралось. Казаки Платова с Донской артиллерией, действуя весьма искусно, с успехом сдерживали наступление французов; в конце концов, однако, арьергарды отошли и стали на позиции, не доходя 7 верст до Дорогобужа.

Позицию у Дорогобужа, выбранную Толем, Багратион весьма одобрял, а Барклай находил никуда негодной и даже сделал за ее выбор полковнику Толю публичный выговор.

Между тем, получая сведения о направлении движения французской армии, Барклай все более и более утверждался в мысли, что Наполеон хочет предупредить его в Вязьме. Вследствие этого и сознавая неизбежность генерального сражения, Барклай признал необходимым возможно скорейшее достижение Вязьмы.

Такое убеждение Барклая приводило неминуемо к быстрейшему отступлению, по крайней мере, до Вязьмы, а между тем, обстановка требовала как раз обратного, т.е. отступления, возможно более медленного, так как только при этом выигрывалось время для подхода к армии подкреплений, сама армия меньше изнурялась, а неприятельская армия, напротив того, более бы ослаблялась и истощалась.

Придя к заключению о необходимости скорейшего отступления к Вязьме, Барклай приказал начать это отступление в ночь с 12-го на 13-е августа по трем дорогам и с расчетом достигнуть Вязьмы в три перехода. 1-я армия должна была отходить двумя колоннами по большой дороге и на Кокушкино, а 2-я армия в одной колонне — вверх по реке Осьме на Гавриково. Прикрывать движение должны были арьергарды, самостоятельно выс-

ланые от каждой колонны. В то же время принимались меры для связи с отрядом Винценгероде, который отходил на Духовщину и Белый и, в свою очередь, поддерживал связь армий Барклая и Багратиона с Витгенштейном.

Парки и санитарный обоз должны были предшествовать армиям, следуя в полупереходе от них. Впереди них высланы были пионеры, инженеры и ратники для исправления дорог.

Выступление армий к Вязьме было назначено на утро 13 августа, арьергарды же должны были прикрывать это отступление, располагаясь на реке Уже и к северу от Дорогобужа.

Однако около 5 часов дня 12 августа противник стал сильно теснить средний (Платова) и левый (кн. Васильчикова) арьергарды и заставил их отойти почти на главные силы; в то же время французы настолько продвинулись вперед, что расположились на ночлег в непосредственной близости от наших сторожевых частей.

Это заставило армии начать отступление несколько раньше, чем предполагалось: некоторые части стали отходить еще ночью, другие — на рассвете.

13 августа еще рано утром правая колонна 1-й армии достигла Кокушкина, левая — Чоботова, 2-я армия — Гаврикова. Арьергарды в это время находились: правый (Крейца) — к северу от Дорогобужа, средний (Платова) — в 7 верстах впереди Дорогобужа, имея в 3 верстах к стороне противника все казачьи полки; левый (князя Васильчикова) — у Бражина, выдвинув к Пушкину 7 казачьих полков.

В этот день обе армии совершили свое отступление совершенно спокойно, зато пришлось поработать арьергардам, в особенности среднему.

Имея верные сведения, что корпус вице-короля от Духовщины идет не к Вязьме, а к Дорогобужу, и опасаясь, что он может занять последний в тылу арьергарда, Платов приказал Розену с его пехотой пройти Дорогобуж и стать за Осьмою, а сам, чтобы не терять соприкосновения с противником и прикрыть отступление Розена, решил остаться временно на прежнем месте.

В этот день французы против среднего арьергарда действовали не особенно энергично и Розен в 9 часов утра занял сильную позицию на правом берегу реки Осьмы в 3 верстах к востоку от Дорогобужа. Вслед за Розеном отошел и Платов, который некоторое время держался между рекой Осьмою и Дорогобужем, а затем вскоре присоединился к пехоте своего арьергарда.

В полдень французы «большими колоннами кавалерии и пехоты» вышли из Дорогобужа и временно остановились на высотах против нашей позиции, а затем начали в колоннах спускаться с них.

Встреченные огнем нашей очень удачно расположенной артиллерии, а также и егерями, рассыпанными вдоль правого берега реки, французы остановились и стали разворачиваться. Лишь в 3 часа дня неприятельская артиллерия открыла огонь. Однако удачный огонь нашей артиллерии и егерей не позволил французам перейти в решительное наступление.

После 4-часового артиллерийского боя, около 8 часов вечера, Розен, оставив на переправе через Осьму егерей, по приказанию Платова, отошел сначала за реку Рехту, а затем вскоре и за реку Костру.

Когда артиллерия наша снялась с позиции, французы попытались было перейти реку Осьму, но егеря, занимавшие переправу, эту попытку отбили. Тогда Платов отослал их к главным силам арьергарда, а прикрытие переправы возложил на казаков, которые и оставались здесь до глубокой ночи, когда он сам отошел к месту расположения Розена, оставив на реке Осьме всего 3 сотни.

Продолжая движение к Вязьме, утром 14 августа армии достигли: правая колонна — села Афанасьево, средняя — села Семлево, левая — села Лужки.

Арьергарды в это время находились: правый — у Кокушкина, средний — у Славкова, имея конницу у села Бридино и от нее сильную заставу в 3 эскадрона на реке Осьме; левый арьергард рано утром 14 августа находился на пути из Гаврикова в Максименку, имея конницу у села Лежнева.

В то время, когда армия была в таком положении, у Барклай исчезло опасение за то, что Наполеон предупредит его в Вязьме, а как следствие этого, у него явилась мысль о нежелательности занимать позицию у Вязьмы всеми силами для принятия здесь генерального сражения. Теперь Барклай мечтает, заняв Вязьму гарнизоном силою в 20–25 тысяч человек, укрепить ее и сделать таким образом ее точкой опоры для наступательного маневра против неприятеля, который с каждым днем все более и более слабеет.

Чтобы привести этот план в исполнение, необходимо было время для укрепления Вязьмы, для выезда из нее всех жителей с их имуществом, наконец, для отдыха войскам. Всего этого мож-

но было достигнуто, задержавшись перед Вязьмой, и Барклай решает оставить армию в том положении, которое она занимала утром 14-го, весь день 14-го и 15-го до позднего вечера, когда только и начать отход дальше к Вязьме.

Соответствующие распоряжения уже были отданы Барклаем, но привести их в исполнение не удалось, так как выполнение указанного плана прежде всего требовало усиления арьергардов и возможно более продолжительного удержания занятых ими пунктов. Но первого не сделал Барклай, а второго — Платов.

Недостаточно ориентированный свыше, Платов приказывает Розену в 5 часов утра 14 августа выступить из Славкова и следовать к Беломирскому, а сам с казаками становится на его место. Розен в 7 часов утра, подходя к реке Осьме, узнает, что не вся 1-я армия выступила из Семлева и что Беломирское занято ее конницей. Тогда он останавливается у села Рыбки.

Между тем, французы утром рано переходят Осьму у места боя 13 августа и ведут энергичное наступление как по большой, так и по боковым дорогам, и с 11 часов утра теснят заставу Платова.

В 3 ¹/₂ часа дня французы стремительным наступлением значительных сил отбрасывают Платова за село Славково; к вечеру Платов расположился на дороге из Чоботова в Рыбки, в 10–12 верстах не доходя последнего селения. Такое положение вещей, даже притом, что фланговые арьергарды вовсе не были теснимы неприятелем, приводило к тому, что при данных условиях об отдыхе армий 15 августа на линии Афанасьево — Семлево — Лужки не могло быть и речи.

Для дальнейшего приведения в исполнение наступательного плана Барклай являлось необходимым так усилить Розена, чтобы он имел возможность продержаться на реке Осьме двое суток. В противном же случае приходилось поспешно отступить. Барклай принял последнее решение.

Получив около 5 часов дня 14 августа донесение от Платова, что «неприятель идет одной большой дорогой в превеликих силах», Барклай приказал в ночь на 15-е и рано утром 15 августа армиям отойти: 1-й — к Вязьме, 2-й — к Скоблеву и Быкову; Платову же приказано «удерживать неприятеля, сколь можно, не оставляя пехоту без действия».

Переход всех трех колонн армии к Вязьме был исполнен 15 августа беспрепятственно и согласно предположениям.

Напротив того, арьергарды, за исключением правого (Крейца), которого корпус вице-короля преследовал очень вяло, дол-

жны были в этот день выдержать горячий и продолжительный бой на реке Осьме на фронте селений Беломирское, Рыбки, Лужки и Максименка.

Искусное занятие позиции с передовым пунктом на другом берегу реки; правильное распределение войск на позиции; оставление значительного по обстоятельствам общего резерва и соответственное его расположение; отвечавшее характеру местности расположение егерских цепей и артиллерии, которая распределялась батареями по 4–6 орудий; оставление части артиллерии в резерве; правильное понимание обстановки и маневров противника руководителем боя, бароном Розеном; своевременный отход с передового пункта; искусное употребление стрелковых цепей и интенсивное пользование егерским огнем; умелое действие артиллерии и полное ее взаимодействие с пехотой; удачные действия казаков с их обычными приемами хитрости и заманивания; соответствующее использование кавалерии; своевременный переход в энергичные штыковые контратаки; осторожное до поры до времени расходование общего резерва — вот особенности боя арьергарда Платова 15 августа на реке Осьме, особенности, давшие ему возможность 8 часов вести бой с превосходным в числе противником и затем отойти с позиции не по принуждению противника, а тогда, когда начальником арьергарда это было признано необходимым. Самый отход арьергарда с позиции был произведен вполне соответствующим обстановке приемом и в конце концов прикрывался казаками, подкрепленными пехотой.

В 7 часов вечера арьергард Платова отошел за село Семлево, где и расположился биваком на ночлег. В то же время арьергард 2-й армии, под начальством Сиверса, выдержав бой в районе сел Максименка и Лужки, отошел на ночлег в село Гришино, оставив в селе Нивки казаков. Противник на ночь остался на правом берегу Осьмы.

Приближение Платова 14 и 15 августа к главным силам и принятие боя 15-го вблизи армий, вызвавшее необходимость ночлега арьергарда в очень близком расстоянии от сильного противника, вызвали большое неудовольствие Баркляя. Объявив Платову выговор, Барклай устранил его от командования арьергардом, заменив его начальником 8-й дивизии, генерал-лейтенантом Коновницыным. Такая смена вызывалась отчасти и тем, что Барклай вполне правильно решил образовать новый арьергард, в котором бы преобладала пехота, между тем как Платов, искусно руководя действиями казаков, неумело управлял отрядами из всех родов войск.

Между тем, Барклай, не найдя у Вязьмы соответствующей позиции, решил в ночь на 16-е отойти 10 верст за этот город: 1-й армии — к селу Федоровскому, где, по указаниям Толя, имелась хорошая позиция, а 2-й армии — к селу Максимовке.

Арьергарду Платова, который уже с утра 16-го отступал под начальством Коновницына, приказано было медленно отходить от Семлева с тем, чтобы только вечером 16-го прибыть к Вязьме.

Арьергард 2-й армии 16-го должен был перейти к деревне Быково. Оба авангарда, прибыв к Вязьме, поступали под общее начальствование Коновницына.

К полудню 16 августа главные силы обеих армий достигли назначенных им пунктов. Прикрывавшие это отступление арьергарды, сдерживая неприятельскую конницу, энергично наступавшую, к полудню прибыли к Вязьме и к деревне Быково, где и стояли до вечера. Сильный пожар в Вязьме и уничтожение мостов заставили арьергарды отойти за город и расположиться к востоку от него, оставив к западу от города лишь казаков, наблюдавших пути, по которым пришли соответствующие арьергарды.

Имевшиеся уже сведения об отсутствии воды на позиции у села Федоровского с прибытием туда армии подтвердились. Ввиду этого, а также вследствие того, что по справедливому расчету Барклай ожидавшиеся к армии подкрепления Милорадовича к Федоровскому могли прибыть только 20-го и 21 августа, тогда как к Цареву-Займищу они придут 19-го и 20-го, а к Гжатску — еще на сутки раньше, главнокомандующий 1-й армией стал подумывать об отступлении армии к Цареву-Займищу и даже к Гжатску. Позиция у Федоровского, не понравившаяся Багратиону, и его указание на необходимость отходить к Гжатску окончательно склонили Барклай к решению 17-го с раннего утра отвести обе армии к Цареву-Займищу, куда еще 16-го он выслал инженеров и офицеров квартирмейстерской части для выбора и укрепления позиции.

В 4 часа утра 17 августа обе армии выступили с мест своих ночлегов и, следуя каждая в одной колонне, вскоре достигли Царева-Займища, где и расположились вблизи подготовленной к бою позиции. Барклай, по-видимому, твердо стоял на том, чтобы здесь дать решительное сражение.

Центральный арьергард, подкрепленный 3-й дивизией и 2-м кавалерийским корпусом, оставался в Вязьме, имея впереди казачьи полки.

17 августа после полудня приехал в армию наконец-то назначенный, общий, облеченный «полной мочью» главнокомандующий Кутузов. Осмотрев позицию у Царева-Займища, Кутузов одобрил ее и приказал ускорить на ней постройку укреплений, показывая тем намерение принять здесь предположенное еще Барклаем сражение. В то же время, однако, Кутузов подтвердил уже отданное Барклаем приказание о разведке позиции у Гжатска.

К вечеру 17 августа авангарды отошли: центральный — за село Федоровское, а левый — через Козлово и Спасское в Успенское. Казачьи полки к тому же времени, под натиском французского авангарда, отошли: от центрального авангарда (Иловайского 5-го) к селу Митьково, а от левого (Карпова 2-го) — к селу Борщевка. Кавалерия противника заняла Спасское.

В течение всего дня 18 августа армии наши и их арьергарды оставались у Царева-Займища.

В этот день Кутузовым были переорганизованы все три арьергарда, которые отныне все были отданы в подчинение Коновницыну. Средний или общий арьергард состоял из 3-й дивизии, 4 егерских полков, 4 кавалерийских полков, 3 артиллерийских рот и 7 казачьих полков.

В состав левого бокового арьергарда (граф Сиверс) входили: 1 егерский полк и 2–3 кавалерийских полка. Правый боковой арьергард (Крейц) состоял из 3 кавалерийских и 1 казачьего полка.

К Гжатску в этот день прибыли подкрепления в количестве 15 000, приведенные Милорадовичем.

На следующий день, 19 августа, в видах сближения с подкреплениями главные силы армии, пройдя Гжатск, перешли к деревне Ивашково. Начав отступление от Царева-Займища рано утром 19-го числа, Кутузов приказал арьергардам не допускать неприятеля до вечера этого дня в Гжатск. В этот же день укомплектования Милорадовича были распределены по полкам обеих армий.

Французский авангард с утра начал наступление несколькими колоннами на широком фронте и неотвязно наседали на все три наших арьергарда, которые, чтобы задержать энергичное наступление противника, должны были часто останавливаться. На равнинных местах противодействие неприятелю оказывала конница. На высотах, особенно прикрытых речками и болотами, арьергарды занимали позиции, стремясь предоставить артиллерии возможность перекрестного огня; при благоприятных обстоя-

тельствах переходили в контратаки; в лесах устраивались пехотные засады.

Особенно горячее дело было у Царева-Займища. Когда центральный арьергард Коновницына, усиленный с утра 16-го эскадронами 4-го кавалерийского корпуса, достиг села Колокольня, то французы прекратили его преследование. Боковые авангарды французы, однако, продолжали еще преследовать некоторое время: к вечеру левый арьергард достиг села Рожество, а правый — Царева-Займища.

К 10 часам утра 20 августа армии, следуя тремя колоннами, перешли к деревне Дурькино. В Ивашкове осталась кавалерия, которая должна была в случае необходимости служить поддержкой арьергардов. Что касается этих последних, то в этот день действия их сводились к следующему:

С раннего утра их начал теснить французский авангард, наступавший в трех колоннах. Особенно настойчиво неприятель наседавал на центральный и правый арьергарды. Особенно трудное положение этих арьергардов было, когда они подходили к Гжатску, так как здесь в тылу у них был большой лес, город и река Гжать с единственной в городе постоянной переправой. Только искусные и самоотверженные действия 200 егерей подполковника Петрова дали возможность арьергарду Коновницына сравнительно благополучно миновать Гжатск. За городом арьергард очень горячо и непрестанно теснил Мюрат.

Коновницыну на протяжении 10 верст до деревни Гридино пришлось занимать 8 позиций, на которых «чинить отпор» противнику.

Ввиду постоянного стремления противника обойти правый фланг Коновницына, для прикрытия себя с этой стороны Коновницын привлек правый арьергард Крейца, отходивший по Бельской дороге. Вследствие этого и Крейцу в этот день пришлось выдержать серьезный бой.

Левый арьергард, также прикрывая с юга центральный арьергард, имел серьезное дело у деревни Барышево, а затем у села Колесниково.

Сиверс еще с утра отправил от себя почти всю пехоту, оставив себе только 2 егерских роты для прикрытия кавалерии в местах закрытых. Эти-то две роты, заняв лес впереди деревни Колесниково, и сдержали наступление французов, дав своему арьергарду возможность отойти к пункту ночлега и не допустив нарушения связи его с центральным арьергардом.

В 9-м часу вечера авангард Мюрата остановился у деревни Старой, выставив впереди сторожевое охранение. Наши арьергарды расположились: Коновницына — при деревне Поляниновой, не доходя 7 верст до деревни Дурыкиной; Крейца — у села Лескино и Сиверса — у Афанаскова, занимая передовыми частями села Колесниково, Брысино и опушку леса впереди этих селений.

В это же время главные силы неприятеля заняли: Наполеон — Гжатск, IV корпус вице-короля — деревню Павлово и V Польский корпус — деревню Будаева.

Дальнейшее преследование французами наших арьергардов 20-го вечером временно приостановилось, так как на 21 и 22 августа Наполеон дал всей армии отдых и только корпус вице-короля, продолжая стоять у деревни Павлово, утром 20-го занял деревню Воробьеву.

Между тем, обе наши армии, выступив с ночлегов еще ночью, к 10 часам утра 21-го прибыли к Колоцкому монастырю.

Арьергарды в течение этого же дня спокойно отошли: Коновницына — к Дурыкину, оставив конницу у деревни Жулева, а передовые казачьи полки — у села Поляниново; Сиверса — к деревне Поповка, имея конницу у Афанаскова, Батюшкова и Барышева, а казачьи полки — на полпути из села Колесниково в Афанасково; арьергард Крейца в этот день, вероятно, занял Мышьяково.

Согласно отданному Кутузовым 21 августа приказанию, 22 августа пехота обеих армий с 7 часов утра стала прибывать к Бородину, где по мере прибытия располагалась корпусными квартирмейстерами по указаниям полковника Толя, причем егерские полки 2-й армии и 27-я пехотная дивизия, составляя сводный корпус князя Горчакова, стали биваками у деревни Шевардина.

Наша конница весь день 22 августа оставалась у Колоцкого монастыря, служа поддержкой арьергардам, которые к вечеру отошли: кавалерией на фронт Поповка — Твердикова, а пехотой — к Гридневу, причем пехота левого арьергарда стала несколько южнее. Казачьи полки заняли линию деревни Жулево, Афанасково, Крутики и Борщево.

23 августа с раннего утра авангард противника, силою в 40 эскадронов при 18 орудиях, вновь перешел в энергичное наступление и в 9 часов утра неприятельская конница начала теснить передовые части казаков, а вскоре после этого впереди Твердикова в дело вступили значительные конные массы.

Наш центральный арьергард к этому времени всей своей кавалерией занимал сильную позицию у села Твердиково, имея впереди и по сторонам казачьи полки.

Вся пехота (3-я пехотная дивизия и 4 егерских полка) располагалась на позиции у Гриднева; левый фланг Коновницына был обеспечен расположением у села Поповки части кавалерии левого арьергарда и у Барышева — казачьих полков. Что касается правого фланга главного арьергарда, то вследствие того, что правый арьергард излишне уклонился к северу, совсем почти выйдя из сферы действий корпуса вице-короля, он был совершенно открыт.

На позиции у Твердикова Коновницын встретил Мюрата со всей своей и присоединившейся к нему кавалерией графа Сиверса.

Избегая фронтальных действий, Мюрат стремился обходить необеспеченный правый фланг Коновницына, который, отступая с боем, постепенно задерживался на 5 позициях, сдерживая огнем конных батарей энергичное наступление многочисленной кавалерии противника. Когда Коновницын, все время обходямый справа, подходил к Гридневу, то к Власову подошел 1-й кавалерийский корпус Уварова. Прибытие этого корпуса, в связи с сильным огнем нашей артиллерии, открытым с позиции у Гриднева, остановило дальнейшее наступление Мюрата.

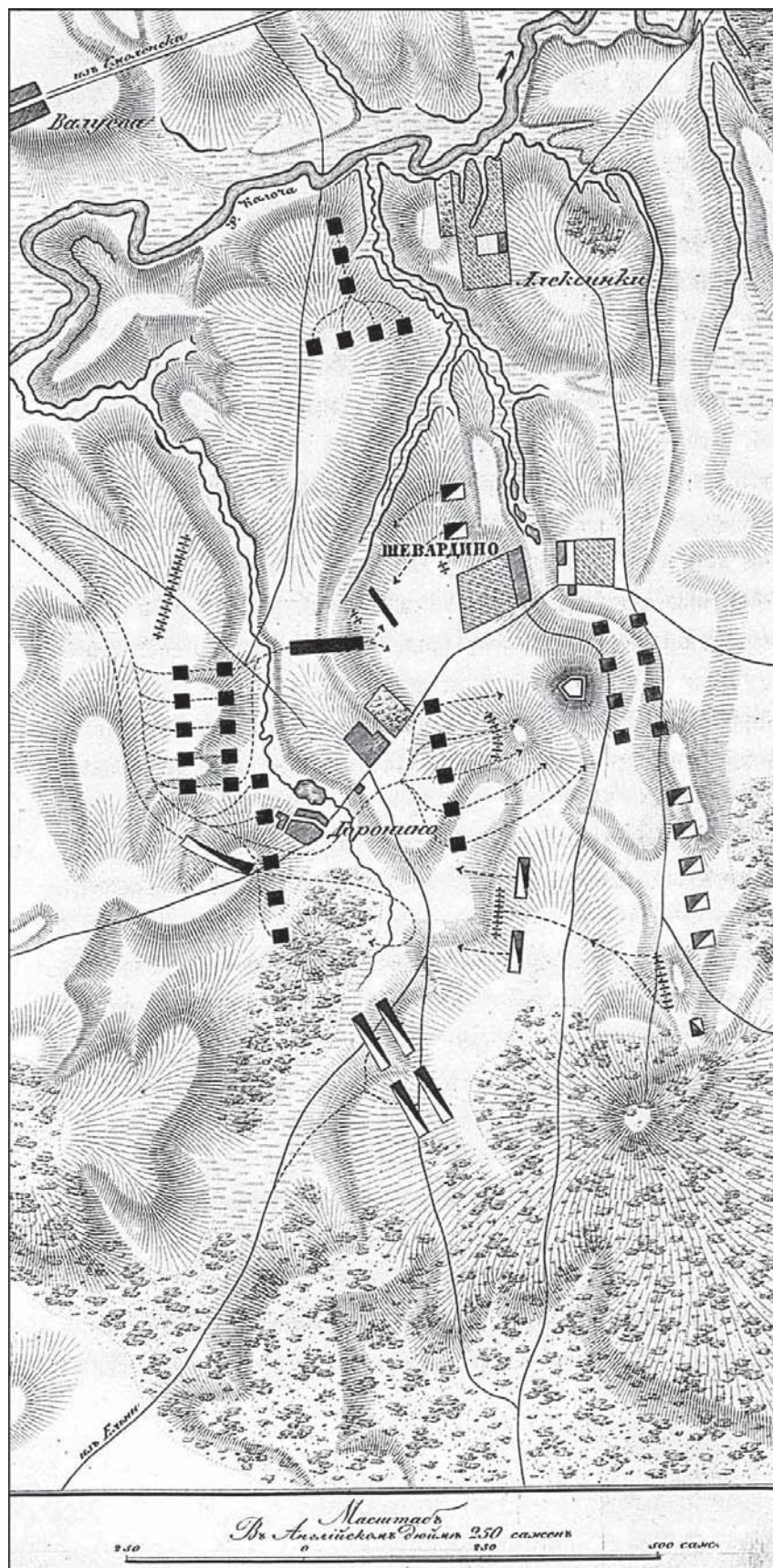
Между тем IV неприятельский корпус, совершив беспрепятственно значительный переход от Воробьева, занял село Лусось, откуда легко обходилась наша позиция у Гриднева.

Слыша выстрелы со стороны авангарда Мюрата, вице-король продвинулся еще несколько вперед, затем свернул на большую дорогу и соединился с Мюратом.

Тогда Коновницын выдвинул вправо часть своей кавалерии, которая и приостановила дальнейшее наступление корпуса вице-короля и заставила его к вечеру отойти обратно в село Лусось.

Отразив у Гриднева только огнем артиллерии и действиями конницы все попытки сбить его или обойти, Коновницын, опасаясь, что на следующий день с утра его правый фланг может быть обойден вице-королем, под покровом темноты отвел пехоту к Колоцкому монастырю, лежащему всего в 12 верстах от Бородина. Его конница, а также 1-й кавалерийский корпус остались у Власова.

Таким образом, непринятие соответствующих мер для обеспечения правого фланга нашего центрального арьергарда привело его к более раннему, чем этого требовала обстановка, отступлению от Твердикова и Гриднева, что повлекло за собою быстрое

Дело при Шевардине

отступление на следующий день, 24 августа, от Колоцкого монастыря и в общем имело следствием то, что наш арьергард не выиграл достаточно времени для усиления Бородинской позиции и не выполнил своего назначения — не допустить ближнего осмотра и изучения противником этой позиции.

На следующий день, 24 августа, с утра французские авангарды вновь перешли в энергичное наступление, причем, все время маневрируя, старались обойти наш правый фланг. Необеспеченность этого фланга наших арьергардов заставила Коновницына тотчас начать поспешно отходить от Колоцкого монастыря к Бородину.

Прибыв к армии 17 августа и ознакомившись с положением дел, Кутузов в основу своих дальнейших действий ставит желательность, независимо от той или другой стратегической обстановки, дать французам генеральное сражение до Москвы; однако, дать это сражение в условиях наибольшего усиления армий, физической и нравственной ее бодрости.

Для первой цели армии было необходимо отходить до тех пор, пока к ней не присоединятся следовавшие к ней навстречу подкрепления, не исключая и Московского ополчения. Вторая цель достигалась некоторой временной задержкой в отступлении.

Вот почему Кутузов 17 августа одобряет позицию у Царева-Займища, заявляет о своем решении дать здесь решительное сражение и задерживает здесь на позиции армии и все 18-е августа.

Еще более сориентировавшись в обстановке за 17-е и 18-е августа, Кутузов уже 19 августа намечает место для генерального сражения — где-нибудь у Можайска.

Ко времени прибытия армии к этому пункту к ней присоединяются все подкрепления, которые можно было ожидать; дальнейшее же отступление ближе к Москве уже являлось опасным с той точки зрения, что ведь сражение это имело целью спасение Москвы. Что же касается достоинств и вообще качеств позиции, то Кутузов придавал им более, чем второстепенное значение. Вот, почему Кутузов для генерального сражения остановил свой выбор на намеченной его штабом позиции при Бородине.

б) Сражение у Бородина 26 августа

Позиция при Бородине непосредственно прикрывала путь на Москву, и в этом ее значение.

При первоначальном своем расположении 22 августа у села Бородина армии наши расположились на позиции на правом бе-

регу реки Колочи, имея правый фланг против села Малое, а левый — у села Шевардино, и в целом не перпендикулярно наступлению противника, а строго следуя течению реки Колочи, подав значительно вперед левое крыло и осадив назад правое.

Впереди правого фланга позиции река Колоча протекала в крутых, местами недоступных берегах. Правый фланг упирался в лес. В центре позиции находилась командующая над всей окружающей местностью высота, перед которой на картечный выстрел простиралось чистое поле, пересеченное глубокой и широкой долиной, совершенно невидной с позиции; на противоположном берегу этой долины находился густой лес. Левее от центральной высоты простирались незначительные возвышенности, среди которых выделялась высота у Шевардина, где был построен редут. Левее этого редута — обширный и густой лес, который от редута отделялся узкою долиною, единственно пригодной для действия конницы на южном участке позиции. Сзади левого фланга позиции простиралась глубокая лощина, неудобная для движения; В версте южнее левого фланга проходила через лес старая почтовая на Можайск дорога, которая уклонялась в обход левого фланга позиции.

Правый фланг позиции до центральной высоты, которая находилась впереди и вне линий расположения на 150 сажен, заняла 1-я армия; левый фланг от центральной высоты — 2-я армия.

На крайнем левом фланге у Шевардина было расположено 12 батальонов (дивизия Неверовского и егеря) и 38 эскадронов под общим начальством князя Горчакова.

Расположение это прикрывалось егерями, рассыпанными от деревни Алексинки до деревни Фомкино и далее по Доронинскому оврагу и в кустах по направлению к селу Ельне. За егерями для их поддержки находились два полка конницы. Редут был занят 12 орудиями; позади него расположились 8 батальонов дивизии Неверовского, по обе стороны редута — конница с конной артиллерией.

Опасное расположение левого фланга было по достоинству оценено Багратионом, о чем он и донес главнокомандующему, вызвав его на осмотр позиции.

Осмотрев 23 августа расположение войск, Кутузов увидел, что левый фланг армии при таком ее расположении как бы подставлялся отдельно под удары противника и легко обходился, что приводило к обходу всего нашего расположения. А потому Куту-

зов приказал левый фланг от Шевардина осадить назад так, чтобы лежащая в тылу его лощина находилась бы перед фронтом.

В новом положении позиция перпендикулярно пересекала обе дороги на Москву; левый фланг не выдвигался вперед и оказался на высоте перед деревней Семеновской. Здесь по приказанию главнокомандующего начали возводиться флеши.

При новом расположении армии Шевардинский редут, находясь вне действительного артиллерийского огня с позиции, сделался для нас совершенно бесполезным, а потому удерживать его представлялось ненужным.

24 августа наши арьергарды: центральный — Коновницына и левый — графа Сиверса, с утра стремительно атакованные превосходными силами противника, с обходом их правого фланга начали довольно поспешно отходить на главную позицию. При этом арьергард Коновницына, отходя по большой дороге на село Бородино, присоединился к главным силам; арьергард Сиверса, отходя параллельным проселком на Ельню, свернул отсюда на север и, пройдя лесом на деревню Доронино, присоединился к левому флангу нашего Шевардинского отряда.

Отход арьергардов был так поспешен, что о своем отступлении они даже не успели предупредить войска главных сил.

Наполеон подходил к Бородинской позиции в том же порядке, в котором вышел из Смоленска. Когда передовые французские войска приблизились к деревне Валуевой, наши егеря открыли им во фланг сильный огонь. Тогда Наполеон приказал трем пехотным дивизиям Даву и двум кавалерийским корпусам перейти на правый берег Колочи и атаковать Шевардинские высоты, а корпусу Понятовского продолжать движение по Старой Смоленской дороге и содействовать атаке Даву.

Действия французов были так решительны, что они появились на высотах против Шевардина раньше, нежели левый фланг армии успел исполнить приказание Кутузова отойти назад. Чтобы выполнить этот маневр в порядке, теперь необходимо было удержать за собой Шевардинский редут, пока войска не займут новой позиции.

Между тем, князь Горчаков, не понимая нового значения Шевардина, решил вовсе не уступать его противнику; французы же желали взять его во что бы то ни стало. В результате здесь разыгрался весьма упорный бой.

Войска Шевардинского отряда, сводный корпус князя Горчакова, в составе 27-й пехотной дивизии, 3 артиллерийских рот,

двух драгунских и трех егерских полков, образуя левый фланг 2-й армии, расположились на позиции так: в центре находился Шевардинский редут, вправо и влево от него были поставлены батареи; егерские полки занимали Доронинскую рощу, село Доронино, овраг и далее вправо берег реки Колочи до деревни Алексинки; 27-я дивизия стала в колоннах позади редута, а драгуны — у деревни Шевардина; авангард графа Сиверса, примкнув к левому флангу корпуса Горчакова, занял егерями угол Утицкого леса, а оба драгунских полка с конной батареей расположились позади, у опушки леса.

Шевардинский бой начался во 2-м часу дня, когда войска V корпуса Понятовского завязали дело в Утицком лесу с егерями графа Сиверса, на поддержку которых были постепенно высланы два полка пехоты. Между тем, центральный авангард французов — кавалерия Мюрата и пехотная дивизия Кампаня, — руководимый самим Наполеоном, в 4 часа дня, преследуя Коновницына по большой дороге, услышал стрельбу в Утицком лесу у Понятовского и заметил наше расположение у Шевардина.

Полагая, что здесь находится отступивший арьергард Коновницына, Наполеон направил с большой дороги на переправу у села Фомкино и далее на село Доронино пехотную дивизию Кампаня, приказав атаковать нашу позицию у Шевардина. Кавалерия Мюрата следовала за Кампанем. Кампань, поддержанный остальной пехотой Даву, наступал на Шевардино с фронта и в обход с правого фланга. Таким образом, Горчаков был охвачен превосходными силами с трех сторон. Это, однако, не помешало его войскам геройски драться до глубокой темноты.

Несмотря на свое подавляющее превосходство, неприятель не решался атаковать Шевардинский редут, а хотел заставить занимавшие его войска, расположенные по его сторонам, отступить, обойдя их оба фланга. Но все попытки таких обходов были парированы егерями, полками 27-й и 2-й гренадерских дивизий, а также блестящими атаками кирасир и драгун, произведенными уже в полной темноте.

Только по приказанию Кутузова уже поздно ночью геройские защитники Шевардинских высот отошли на главную позицию и лишь тогда французы заняли их.

Бой у Шевардина, приведя к значительным у нас потерям, в то же время дал возможность противнику занять всего в 2 верстах от левого фланга нашей позиции командующий пункт, могущий служить точкой опоры будущего наступления. Затем он

имел последствием присутствие V неприятельского корпуса в лесу, охватывавшем наш левый фланг, что делало его более подверженным охвату.

Следствием такого положения вещей явилось прежде всего решение Кутузова для обеспечения своего левого фланга поставить скрытно в Утицком лесу уступом за этим фронтом 8-й корпус Тучкова, чтобы им можно было атаковать французов во фланг и тыл, если бы они повели наступление от Шевардина против нашего левого фланга.

Затем, нахождение корпуса Понятовского в лесу, охватывающем левый фланг нашей позиции, заставило Багратиона держать в этом же лесу у верховья реки Каменки егерей своей армии и по очереди полки 27-й и 2-й гренадерских дивизий, которым и пришлось в течение всего 25 августа вести здесь бой, чтобы не дать возможность противнику распространяться в этом лесу и продвигаться вперед в целях разведывания. Благодаря целесобразным действиям Багратиона цель эта была вполне достигнута. Только с рассветом 26 августа эти полки были отозваны на главную позицию.

25 августа, независимо от боя в лесу на левом нашем фланге, обе стороны провели в приготовлениях к предстоящему генеральному сражению. Кутузов вновь объехал позицию и решил продвинуть левый фланг 1-й и правый фланг 2-й армий к центральному кургану, на котором возвести укрепление, снабдив его 18 орудиями.

Войска наши укрепляли позицию, причем центральный редут начали возводить лишь с 5 часов дня, и занимали ее в соответствии с приведенными выше приказаниями Кутузова: относительно отвода левого фланга армии назад, занятия центральной высоты и расположения 3-го корпуса у Утицы. При этом неверность кроки, представленной Кутузову, непонимание Толем идеи задачи 3-го корпуса в связи с неосведомленностью Беннигсена относительно замысла главнокомандующего, привели к тому, что мысль Кутузова относительно будущих действий 3-го корпуса не была приведена в исполнение, и действительное расположение этого корпуса только удлинило нашу позицию до высот у деревни Утицы.

Таким образом, в новом своем виде Бородинская позиция тянулась на протяжении 7 верст от села Малое через Бородино до деревни Утицы на Старой Смоленской дороге.

Весь правый участок позиции от села Малое до Бородина тянулся вдоль правого берега реки Колочи, командовавшего про-

тивоположным берегом. Центром позиции по-прежнему была высота, где Кутузов приказал строить батарею на 18 орудий и которая впоследствии была названа батареей Раевского.

Левый фланг позиции простирался к югу от флешей впереди деревни Семеновской (Семеновские или Багратионовские флеш-и), причем все пространство от этих флешей вплоть до Утицы было покрыто густым кустарником и лесом. Сама деревня Утица не представляла каких-либо удобств для обороны.

Главное значение на Бородинской позиции принадлежало ее левому флангу, так как от него отходил путь отступления на Москву; таким образом, наиболее важный фланг был наименее сильным.

Усиление позиции сводилось к следующему: на оконечности правого фланга лес был усилен засеками, а у самого леса фронтом к реке Москве почти тылом к наступающим французам были построены 3 люнета, связанные куртиной; у села Горок — две батареи для обстреливания переправы через реку Колочу и подступов к Бородину; батареи были выстроены одна выше другой на расстоянии 150 шагов, на 3 и 9 орудий. Правее этих батарей, примерно, с версту — батарея на 10 орудий, а еще правее — батарея на 12 орудий и рядом с ней в излучине реки Колочи еще батарея на 4 орудия. В центре были возведены указанные выше: батарея Раевского и три Семеновских флеш-и. Село Бородино на левом берегу реки Колочи, через которую здесь имелся мост, привели в оборонительное состояние. Командирам корпусов было приказано озаботиться свободным сообщением на позиции. Таким образом, наиболее сильный участок позиции был наиболее сильно укреплен. На левом фланге, более слабом и более важном, почти ничего не было сделано.

Впрочем, все укрепления не были доведены до надлежащей профили и не были усилены ни одеждами, ни искусственными препятствиями.

Бывшая в тылу позиции река Москва вброд проходима, но течет в обрывистых берегах, затрудняющих спуск артиллерии и обозов. В тылу, до Можайска, где сходились обе Смоленские дороги, удобных позиций для задержания противника не было.

Общая численность русских войск, сосредоточенных на Бородинской позиции, простиралась до 72 тысяч человек пехоты, 17 тысяч — кавалерии и 14 тысяч — артиллерии, всего до 103 тысяч регулярных войск при 640 орудиях. В том числе было 15 тысяч только что прибывших в армию рекрут. Кроме регуляр-

ных войск, в состав русской армии входили: 7 тысяч казаков и 10 тысяч ратников, совершенно необученных и вооруженных пиками.

В армии Наполеона было: 86 тысяч пехоты, 28 тысяч кавалерии и 16 тысяч артиллерии, всего 130 тысяч при 587 орудиях. Таким образом, превосходя общей численностью русскую армию, французская армия уступала ей в числе орудий, которые, к тому же, были меньшего калибра.

Русская армия к 26-му августа, согласно диспозиции Кутузова, расположилась на позиции следующим образом: правый участок, от села Малого до батареи Раевского, заняли войска 1-й армии: 2-й (Багговута), 4-й (Остермана-Толстого) и 6-й (Дохтурова) пехотные корпуса, а за двумя последними стали: 2-й (барона Корфа) и 3-й (графа Палена) кавалерийские корпуса. 1-й кавалерийский корпус (Уварова) и 9 казачьих полков Платова, составляя частный резерв правого участка, расположились уступом за правым флангом его. Непосредственное прикрытие правого фланга лежало на трех егерских полках, занявших лес и укрепления у деревни Масловой. Левый участок позиции, от батареи Раевского до деревни Утицы, заняли войска 2-й армии, причем 7-й корпус (Раевского) занял батарею и влево до деревни Семеновской; от 8-го корпуса (Бороздина) в Багратионовы флешы стали 6 сводных гренадерских батальонов графа Воронцова, а за ними — 27-я дивизия Неверовского; 2-я гренадерская дивизия (герцога Мекленбургского) и 2-я кирасирская (Дуки) расположились в частном резерве 2-й армии. У деревни Утицы был поставлен 3-й корпус Тучкова 1-го, за которым стояли 7 тысяч ратников. Пять егерских полков занимали кусты между Семеновскими флешами и деревней Утицей, а на Старой Смоленской дороге, левее 3-го корпуса, стояли 6 казачьих полков Карпова. В общем резерве, несколько севернее центра позиции, у Князьково, был 5-й корпус (Гвардейский, Лаврова) и 1-я кирасирская дивизия, а у Псарева, ближе к левому флангу, — артиллерийский резерв из 300 орудий.

Таким образом, наиболее слабый и менее укрепленный фланг и был занят слабее, что объясняется неосновательным опасением Кутузова за свой правый фланг — опасением, вызванным постоянными маневрами сильного IV неприятельского корпуса еще от Дорогобужа в обход правого фланга, а также — расположением 25 августа главных сил французов на большой почтовой дороге и на левом берегу реки Колочи в то время, как против нашего

левого фланга, на правом берегу реки Колочи, у Наполеона были в этот день сосредоточены относительно незначительные силы.

В каждом из пехотных корпусов, расположенных на позиции, одна дивизия составляла правый, а другая — левый участок. Полки были построены в батальонные колонны в две линии на дистанции 200 шагов одна от другой. Между колоннами были оставлены интервалы, достаточные для развертывания полков. Во 2-й линии стояли вторые батальоны. Егерские полки сначала были рассыпаны цепью впереди фронта боевых линий, но потом отошли на позицию, за исключением двух полков, стоявших в лесу на правом фланге, и пяти полков — в кустах между Багратионовыми флешами и деревней Утицей. Эти полки все время действовали в рассыпном строю. Кавалерия была построена в две линии в развернутом строю.

Таким образом, боевой порядок русских войск состоял из стрелковой цепи, за которой находились поддержки, затем 4 боевых линий — двух пехотных и двух кавалерийских, — частных резервов армий и общего резерва главнокомандующего.

25 августа Наполеон лично произвел рекогносцировку нашей позиции и приказал укрепить левый фланг против Бородина, а также выстроить несколько укреплений у Шевардина.

Сущность плана Наполеона для сражения у Бородина сводится к следующему: 2 пехотных и 1 кавалерийская дивизии должны были занять участок против нашего правого фланга, удерживая на месте от перехода в наступление войска, его составляющие; на центр позиции Наполеон решил направить демонстративную атаку, которую вице-король должен был с тремя дивизиями пехоты и кавалерийским корпусом Груши вести против батареи Раевского; действия на левом фланге и в центре должны были облегчить нанесение главного удара в левый фланг русской армии, для чего предназначался Ней, Даву с тремя пехотными дивизиями, Жюно, три кавалерийских корпуса Мюрата и Понятовский с 2 пехотными и 1 кавалерийской дивизиями. При этом Ней, Даву и Мюрат должны были атаковать Семеновские флешы с охватом их левого фланга, а Понятовский — сделать более глубокий обход того же фланга, следуя па Утицу. Общй резерв, находившийся у Шевардина, должны были составить дивизия Фриана и гвардия.

В соответствии с планом Наполеона корпуса его армии в ночь на 26-е августа расположились: на правом фланге в Утицком лесу стал корпус Понятовского; в центре у Шевардина — Даву (дивизии Кампаня, Дессе и Фриана); за ними уступом справа, у дерев-

ни Доронина — Мюрат (кавалерийские корпуса Нансути, Монбрена и Латур-Мобура); между Шевардиным и рекой Колочей — Ней (его корпус и дивизия Морана); за Неем — корпус Жюно; на левом фланге за рекой Колочей остались: корпус вице-короля, Груши и дивизия Жерара (корпус Даву).

Кануном сражения оба главнокомандующие пользуются не только для материальной, но и для нравственной подготовки своих армий. При этом каждый ведет ее в духе своего народа и в согласии с потребностями данной минуты.

По рядам русских войск 25 августа носили чудотворную икону Смоленской Божьей Матери. Кутузов объезжал войска и говорил с солдатами, возбуждая их моральные силы и поселяя в них готовность пожертвовать собою для защиты Москвы и России.

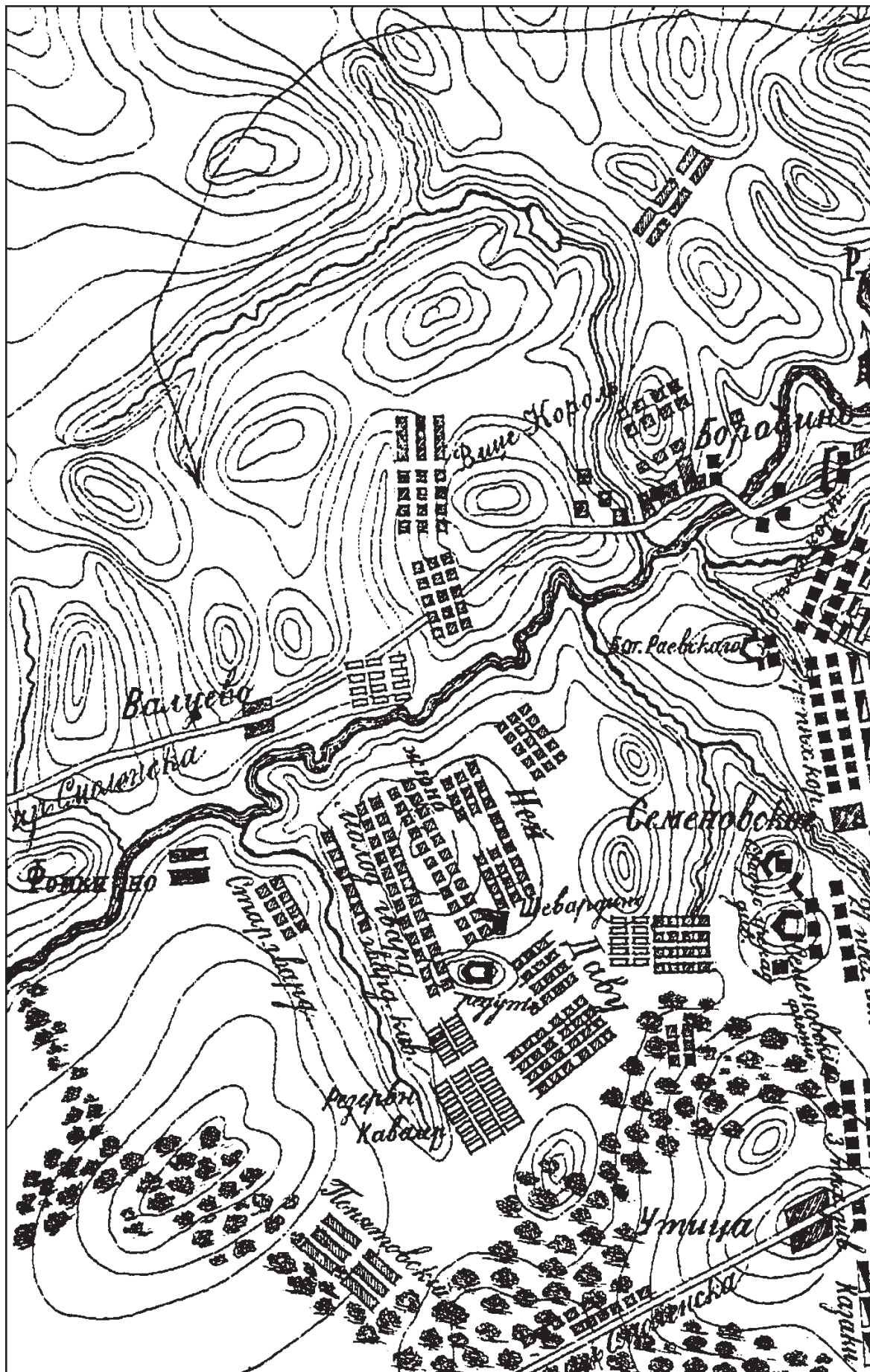
Наполеон приказал прочитать в частях армии приказ, в котором говорилось о необходимости победы, следствием которой будет слава, хорошие квартиры, мир и скорое возвращение на родину.

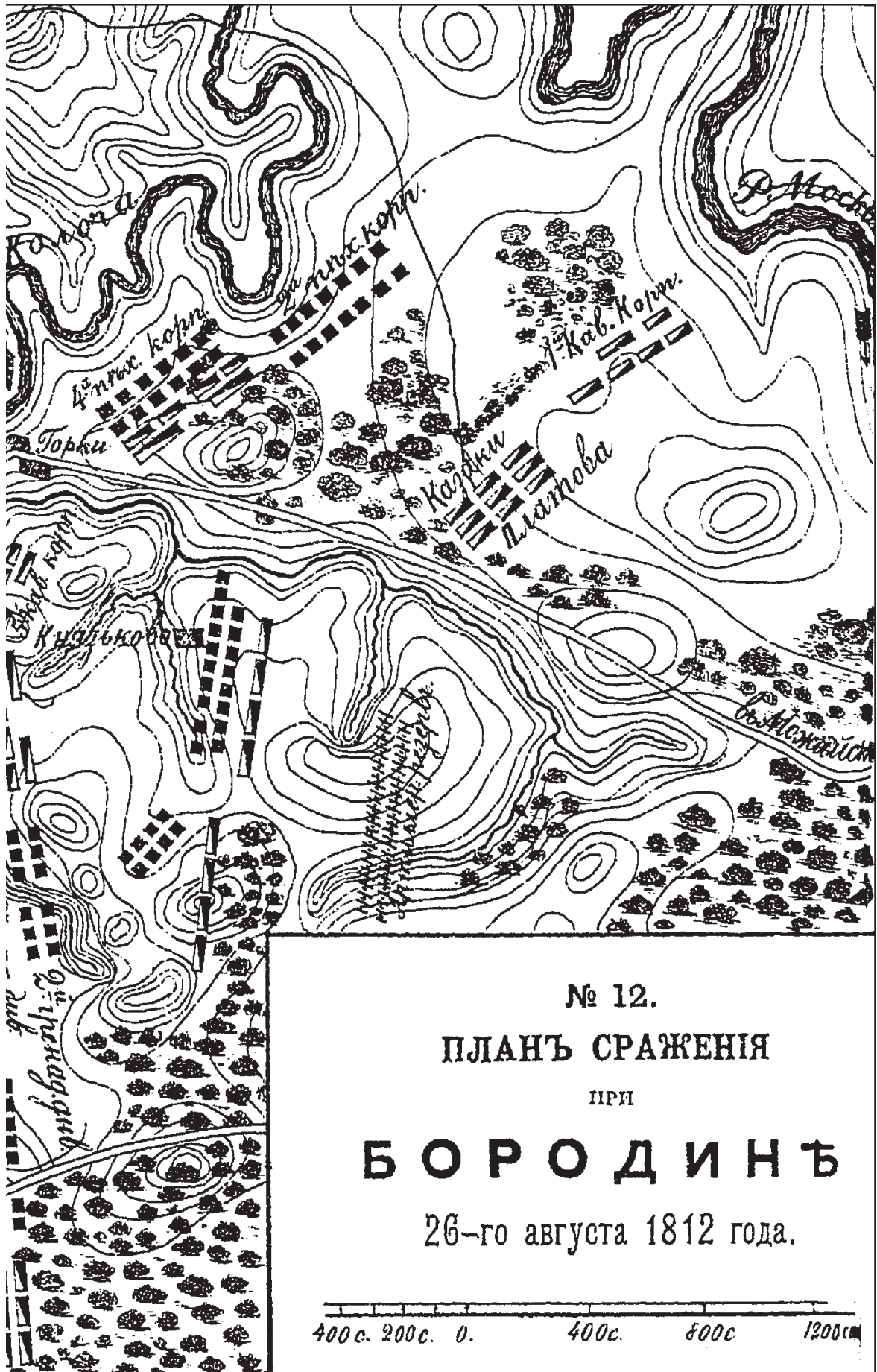
С рассветом 26 августа Наполеон со штабом прибыл к Шевардину. Кутузов выехал на высоту у деревни Горки. С обеих сторон был открыт сильный артиллерийский огонь. Около 120 французских орудий, поставленных впереди Шевардина и Алексинки, обстреливали батарею Раевского и Багратионовы флеши. Имея большую часть своих орудий в резерве у Исарева, мы сильно уступали французам в этой канонаде.

Одновременно с артиллерийской канонадой завязалась перестрелка в рассыпанных впереди русской позиции егерских полках, которые по мере наступления неприятеля отходили с огнем на главную позицию.

В 6 часов утра войска дивизий Брусье и Дельзона произвели атаку на село Бородино, к которому под прикрытием тумана подошли совершенно неожиданно и выбили оттуда наших гвардейских егерей. Преследуя, французы перешли по мосту через реку Колочу, но были отброшены назад с большим уроном подошедшими подкреплениями из войск корпуса Дохтурова, которые уничтожили мост через реку Колочу.

Тогда вице-король, оставив на левом берегу реки Колочи пехотную дивизию Дельзона и кавалерийскую дивизию Орнано, остальные свои войска (3-ю пехотную дивизию и кавалерийский корпус Груши) по трем мостам, наведенным восточнее деревни Алексинки, перевел на правый берег реки Колочи для атаки ба-

№ 12.
ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
ПРИ
БОРОДИНЪ
26-го августа 1812 года.

400 с. 200 с. 0. 400 с. 800 с. 1200 с.

тарей Раевского. Маневр этот потребовал не менее часа, в течение которого все время шел горячий бой у Багратионовых флешей.

Одновременно с атакой Дельзона на Бородино Даву с тремя дивизиями двинулся через лес, лежащий между Шевардиным и Утицей, и через 10 минут две головные дивизии вышли на его восточную опушку. Русские егеря, занимавшие кусты, тянувшиеся восточнее леса, встретили французов огнем; егерей поддерживала артиллерия из большой Семеновской флешей. Французы остановились и стали приводить в порядок батальоны, расстроенные прохождением через лес. Вскоре противник повел энергичную атаку на ложную флешь и после чрезвычайно упорного боя французы заняли флешь, выбив из нее гренадер Воронцова.

Вскоре, однако, гренадеры Воронцова, поддержанные войсками Неверовского, выбили французов из флешей и заставили их отступить. Бывшие по близости два полка конницы бросились преследовать отступавших французов, но вскоре, встреченные их свежими поддержками, отошли назад. Эта первая попытка французов атаковать флешей стоила им больших потерь.

В 7 часов утра французы повели на флешей вторую атаку, причем три дивизии Нея, развернувшись левее Даву, атаковали их с фронта, а Даву — по-прежнему с левого фланга. За этими корпусами шел Мюрат, две дивизии которого направились по одной за каждым корпусом, а третья — левее их.

За Неем двинулся Жюно, который, однако, у Шевардина приостановился. Сюда же через некоторое время подтянулась и гвардия. Таким образом, 5 дивизий пехоты и 3 кавалерийских корпуса с 130 орудиями были направлены для атаки флешей, занятых 6-ю батальонами графа Воронцова и 8-ю батальонами Неверовского.

Багратион, видя, какие силы намереваются обрушиться на Семеновские флешей, приказал дивизии Неверовского войти в 1-ю линию, соединившись с дивизией Воронцова, 2-й гренадерской и 2-й кирасирской дивизиям подтянуться к флешам, составив резерв; так как против Раевского неприятель еще не наступал, то восьми батальонам второй линии его корпуса перейти к флешам, а Тучкову 1-му, стоявшему у Утицы, отправить к флешам 3-ю дивизию Коновницына; в то же время Багратион обратился с просьбой к главнокомандующему о подкреплении, Кутузов прежде всего послал к Багратиону из главного резерва полки гвардии: Измайловский, Литовский и Финляндский, три кира-

сирских полка и три артиллерийских роты и вместе с тем, так как бой у Бородина затих, приказал перевести 2-й пехотный корпус с правого фланга на левый. Первые из этих подкреплений могли прибыть не ранее как через час, все войска, направленные к флешам, сосредоточиваясь постепенно, могли собраться у флеша часа через 3–4, до тех же пор приходилось 2-й армии отбиваться своими силами от значительно превосходного числом противника.

Около 8 часов утра Ней и Даву, поддержанные огнем своих батарей, часть которых переехала на правый берег реки Каменки, атаковали флеша, почти уничтожили оборонявшую их сводную гренадерскую дивизию Воронцова, заставили полки Неверовского отступить, заняли все три флеша и начали готовиться к атаке на деревню Семеновскую. Но в эту минуту к Багратиону начали подходить подкрепления, батальоны 2-й линии Раевского и гренадеры Карла Мекленбургского, с которыми он около 8 ³/₄ часов произвел контратаку и отбросил французов.

В это время к флешам прибывают кирасиры Дуки, к которым вскоре присоединяются полки 3-го кавалерийского корпуса. Направившись левее флешей, они атакуют французскую кавалерию. Здесь происходит ряд кавалерийских схваток, в которых русская кавалерия одержала верх, но, преследуя конницу противника, налетела на его пехоту. В результате русские вновь заняли флеша, ворвавшись в них с тыла. Однако, пехота наша была сильно ослаблена, а потому Ней, введя в бой Жюно, перешел в наступление и в 9 часов вновь овладел флешами.

В это время к Багратиону прибывает дивизия Коновницына. Багратион пользуется этим, снова переходит в наступление и снова выбивает противника из флешей, причем наша кавалерия опять преследует отступавших французов. Затем до 10 ¹/₂ часов флеша еще раз были захвачены французами и снова отбиты русскими. Войска Багратиона сильно расстроились, но и французские войска тоже понесли огромные потери. Ввиду этого, по просьбе Нея, Наполеон послал к нему задержанную у себя дивизию Фриана корпуса Даву. В ожидании прибытия этой дивизии Ней приостанавливает атаки и лишь своей артиллерией громит войска Багратиона. В это время был смертельно ранен доблестный главнокомандующий 2-й армией, сподвижник Суворова, князь Багратион.

Прибывшая дивизия Фриана была направлена на деревню Семеновскую и при ее содействии Ней между 11 и 11 ¹/₂ часами

утра окончательно овладел флешами. Русские войска, руководимые Коновницыным, отступили здесь за Семеновский овраг и заняли ближайшие высоты, куда в это время подошли высланные Кутузовым три гвардейских пехотных полка, три кирасирских полка, а также 1-я сводная гренадерская дивизия.

Отступившие русские войска, в течение 5–6 часов упорно защищавшие флеша против превосходного противника, были очень расстроены, части были совершенно перемешаны, много начальников было перебито и вообще потери были громадные.

Коновницын считал рискованным вновь атаковать флеша даже с подошедшими подкреплениями и решил воспользоваться ими для того, чтобы занять позицию за Семеновским оврагом, дать отойти за нее отступившим частям 2-й армии, разобраться там и устроиться.

Французы, овладев флешами, также понесли большие потери и оказались значительно перемешавшимися и расстроеными. Поэтому продолжать наступление без получения подкрепления Ней не решался.

Не рассчитывая получить вскоре такое подкрепление, Ней и Мюрат решили пустить в дело кавалерию, значительно превосходившую числом русскую конницу на этом участке боя и большею частью совершенно свежую — тогда как русская кавалерия, кроме вновь прибывших трех кирасирских полков, была уже до некоторой степени расстроена предшествовавшим боем.

В полдень командование на левом фланге принял присланный сюда Кутузовым Дохтуров. С его прибытием бой здесь возгорелся с новой силою.

Французская артиллерия, расположившись на противоположном берегу оврага, наносила нашим войскам страшные потери. После подобной подготовки кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Нансути повели атаку на наши войска, которые здесь стояли в следующем порядке:

От южной опушки деревни Семеновской и влево от нее — группировалась 3-я дивизия Коновницына с подошедшей к ней 1-й сводной гренадерской дивизией; левее — 3 пехотных гвардейских полка (Измайловский, Литовский и Финляндский) с двумя батарейными ротами; за ними 3 кирасирских полка (Его и Ее Величеств и Астраханский) с конной ротой. К левому флангу гвардии примыкали полки 3-го и 4-го кавалерийских корпусов и 2-я кирасирская дивизия. В деревне Семеновской и севернее ее находились остатки корпуса Бороздина и части корпуса

Раевского, пришедшие к нему на подкрепление. Войска этих корпусов толпились и между другими собиравшимися за оврагом войсками, и между гвардейскими батальонами.

На этот боевой порядок войск Коновницына около 12 часов дня налетели массы французской конницы: корпус Нансути прямо с фронта, южнее деревни Семеновской, и корпус Латур-Мобура — севернее этой деревни в обход правого фланга Коновницына.

Но лихие неоднократные атаки французской кавалерии не могли сломить мужества нашей пехоты, и все атаки при содействии нашей конницы были отбиты. После такого упорного боя наш левый фланг был сильно расстроен, но и французские войска не могли продолжать наступления, хотя во время кавалерийских схваток им удалось пехотой занять деревню Семеновскую и таким образом утвердиться на правом берегу Семеновского оврага.

Расстройство наших войск и занятие французами деревни Семеновской заставили первые отойти на $\frac{1}{2}$ –1 версты к востоку, где они остановились на опушке кустов и начали разбираться и устраиваться.

Преследовать их у нее и Даву не было свежих войск, конница Мюрата также была расстроена после бывших только что атак. К тому же, густая пыль, поднявшаяся от кавалерийских атак над всем этим пространством, скрыла от французов расстройство наших войск.

Ввиду этого Ней выдвинул на возвышенности свою артиллерию и корпуса Даву, а также 36 орудий гвардейской артиллерии и 50 конных орудий корпусов Нансути и Латур-Мобура. Эта могущественная и многочисленная артиллерия поражала с фронта остатки 2-й армии и обстреливала во фланг войска, защищавшие батарею Раевского. Наши относительно немногочисленные батареи, успевшие занять позиции на опушке кустов, с трудом могли бороться с французской артиллерией.

Не менее упорный бой шел и в центре за центральную батарею Раевского.

Увидев наступление Даву, Нея и Жюно, вице-король тоже перешел в наступление. Батарея Раевского, далеко не законченная, была занята собственно только артиллерией; пехота располагалась по сторонам ее, во рву и сзади: два батальона 26-й дивизии стояли правее батареи, один — левее и один находился во рву. Три егерских полка располагались сзади в виде резерва.

Левее этих войск на протяжении 1 версты до деревни Семеновской стояли только 4 батальонов дивизии Васильчикова. Правее Паскевича стоял весь 6-й корпус. Местность против 6-го корпуса была трудно доступная, а южнее батареи — вполне доступная.

Окончив около 8 часов переправу через реку Колочу и оттеснив передовыми войсками наших егерей, находившихся впереди батареи Раевского и встретивших французов огнем, принц Евгений стал выстраивать боевой порядок. Построение это прикрывалось огнем батарей, поставленных на возвышенностях левого берега ручьев Каменки и Семеновской. Артиллерия дивизии Дельзона поражала батарею Раевского фланговым огнем с позиции у села Бородина.

В 10-м часу утра построение боевого порядка войск вице-короля было закончено и две головные дивизии двинулись вперед. В 11-м часу головная бригада Бонами из дивизии Морана, не выждав подхода других частей дивизии, стремительно бросилась в атаку. У русских в это время как раз истощились артиллерийские снаряды, огонь батарей почти прекратился, и вследствие этого бригада Бонами ворвалась на батарею, захватила орудия и отбросила ближайшие пехотные части в ручей Огник, протекавший непосредственно сзади батареи. Барклай, следивший за ходом боя, увидев это, приказал 4-й дивизии Евгения Виртембергского, которая в это время, следуя в хвосте 2-го корпуса, идущего на левый фланг, проходила деревню Князьково, взять батарею обратно. Но пока это приказание пришло, пока 4-я дивизия направлялась для его исполнения, противника с батареи выбил Ермолов, который в это время оказался поблизости, посланный Кутузовым во 2-ю армию после раны Багратиона.

Видя этот важный пункт в руках неприятеля, Ермолов взял находившиеся в резерве 3 егерских полка и 1 батальон Уфимского полка, бросился на батарею и, поддержанный в своем порыве перешедшей в атаку против левого фланга французов дивизией Паскевича, а также батальонами Васильчикова, ударившими в правый фланг противника, в исходе 11-го часа вытеснил оттуда французов.

Наша конница по обыкновению преследовала отступавшего противника, но, нарвавшись вскоре на свежую пехоту, принуждена была отойти. В эту минуту, около 1 часа дня, на место боя прибыл Барклай и сменил войска Раевского 24-й дивизией Лихачева.

Около этого же времени бригада 4-й пехотной дивизии подошла к батарее и была Барклаем также оставлена здесь, причем она расположилась левее люнета. 4-му корпусу в то же время было приказано придвинуться к батарее Раевского.

На нашем левом фланге в это время происходило следующее: выступив в 5 часов утра и следуя по Утицкому лесу через Ельню, в 8 часов утра Понятовский появился перед деревней Утицей. Находившийся здесь корпус Тучкова располагался так: впереди деревни Утица в кустах были рассыпаны 2 егерских полка из дивизии Коновницына, которая к этому времени по приказанию Багратиона уже пошла к Семеновским флешам. За деревней Утицей на высоте располагалась оставшаяся дивизия Строганова. Артиллерия занимала возвышенности около деревни, а казаки Карпова стояли на левом фланге. В 2-х верстах позади корпуса Тучкова стояло Московское ополчение, вооруженное большей частью пиками. В бою оно участия не принимало.

Выйдя из леса на поля, окружавшие деревню Утицу, Понятовский развернул корпус в боевой порядок, имея кавалерию на правом фланге и поставив артиллерию на высотах перед деревней Утицей.

Русские егеря встретили еще в кустах передовые части противника и завязали с ними перестрелку, но, подавляемые численным превосходством поляков, вскоре начали отходить.

В исходе 9-го часа Понятовский перешел в наступление всеми силами и вскоре занял деревню Утицу. Видя у противника превосходные силы, Тучков приказал Строганову оставить позицию и отойти на командующую высоту, находившуюся в версте к востоку от деревни.

Понятовский, заняв деревню Утицу, выставил на позицию 40 орудий и после сильной канонады в исходе 10-го часа, получив известие, что Жюно наступает левее его на егерей Шаховского, перешел в энергичное наступление против Тучкова. Тучков начал отходить назад, но в это время к нему начали подходить части 2-го корпуса.

Когда, приближаясь к Тучкову, Багговут поравнялся с расположением егерей Шаховского, что было около 10 час, то он увидел, что Жюно теснит егерей. Багговут с одной бригадой из 7-й дивизии остался для поддержки Шаховского, а другая бригада этой же дивизии продолжала движение на помощь 3-му корпусу; другая дивизия корпуса осталась сначала у батареи Раевского, а потом одна бригада пошла вслед за 17-й дивизией.

Воспользовавшись прибывшими свежими войсками, Тучков перешел в наступление, направив один полк с фронта и подходившую бригаду на левый фланг противника, а 4 полка в охват правого его фланга. Поляки были отброшены и курган немедленно был занят шестью орудиями, огнем которых преследовали противника.

Понятовский отошел к деревне Утица, здесь остановился и открыл артиллерийский огонь. Был 12-й час дня. Вскоре к войскам, ведущим бой у деревни Утица, присоединилась бригада дивизии Евгения Вюртембергского. В это время был убит командир 3-го корпуса, Тучков 1-й, и командование войсками 2-го и 3-го корпусов принял на себя Багговут.

Три-четыре часа у района деревни Утица дело ограничивалось артиллерийской канонадой. Но когда русские принуждены были оставить свои позиции в центре и у деревни Семеновской, то отошел назад и Шаховской. Этим воспользовался Жюно и перешел в наступление, угрожая правому флангу Багговута. Считая свое положение затруднительным, Багговут начал отходить и около 4-х часов дня остановился на позиции в расстоянии 300–400 сажен от кургана, войдя в связь с общей линией отступивших войск 2-й армии.

Заметив отступление русских, Понятовский перешел в наступление, занял курган и для преследования противника выдвинул вперед кавалерию, которая направилась в обход левого фланга наших войск. Оттеснив казаков Карпова, польская кавалерия не решилась, однако, атаковать нашу пехоту. Попытка одного из наших полков вновь овладеть курганом успеха не имела. После этого Понятовский, оставив на кургане небольшие части, главные свои силы отвел к деревне Утица.

Таким образом, около полудня после 6-часового упорного боя все атаки французов были отбиты и мы удержались на всех пунктах нашей позиции, кроме села Бородина и Семеновских флешей. Между тем, отбив преследование русских, вице-король в 1-м часу дня решил атаковать батарею Раевского всеми своими силами. Для этого он намеревался двинуть одну дивизию на фронт батареи, одну — в обход левого фланга и одну — в обход ее правого фланга. Атака уже начала приводиться в исполнение, как вдруг ее пришлось приостановить ввиду паники, обнаруженной в тылу на левом берегу Колочи.

Еще утром казачьи разъезды нашли броды через реку Колочу, и Платов просил разрешения «в тыл съездить» неприятелю.

Понимая все важное значение подобного неожиданного удара, Кутузов приказал вместе с казаками двинуться и 1-му кавалерийскому корпусу Уварова, поставив им целью отвлечь внимание французов к стороне их левого фланга.

Всего было отправлено 28 эскадронов и 12 орудий, т.е. около 2500 коней. Уваров, перейдя Колочу близ села Малое, около 12 часов между реками Колочей и Войной опрокинул кавалерийскую дивизию Орнано, отошедшую за эту реку у деревне Беззубовой. Платов в это же время с 5-ю казачьими полками от переправы направился к селу Бородино, расположив свои казачьи артиллерийские роты около деревне Захарьиной; остальные же свои 4 полка Платов направил на деревню Логинову, вправо от корпуса Уварова.

Появление нашей конницы на левом берегу Колочи и ее первоначальные успехи произвели на противника такое сильное впечатление, что вице-король тотчас же начал переводить свои войска на левый берег Колочи. Уваров, следуя за дивизией Орнано, своими гвардейскими полками атаковал у Беззубова пехотный полк — но не подготовленная артиллерией троекратная атака была отбита, и лишь после открытия огня нашей конной артиллерией французы отступили за реку Войну. Таким образом, здесь наступление кавалерии Уварова нашло свой естественный предел, и вскоре им было получено приказание Кутузова вернуться на правый берег реки Колочи, где он и простоял до конца сражения у деревни Новой.

Между тем Платов ничего не мог поделать против села Бородина: в конном строю атаковать его, сильно занятое неприятельской пехотой, было невозможно, а в спешенном строю бывшие здесь 5 казачьих полков представляли собой слишком незначительную силу. Казачьи полки, направленные на деревню Логинову, нашли брод через реку Войну выше Беззубова и, перейдя через нее, рассыпались между неприятельскими колоннами и зашли им в тыл. Это-то появление казаков в тылу, произведя совершенную панику в обозах французов, и вызвало приостановку уже начатой было Наполеоном последней решительной атаки. Пока Наполеон, лично поскакав на реку Колочу, выяснил положение дел, прошло два часа. За это время батарея Раевского была нами отбита, к угрожаемым пунктам успели подтянуть резервы. 4-й корпус, по приказанию Кутузова, стал в первой линии, заняв пространство между батареей Раевского и Семеновским оврагом.

За 4-м корпусом стали Преображенский и Семеновский полки, за ними 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а в последней линии — кавалергарды и лейб-гвардии Конный полк.

Правее 4-го корпуса стал 6-й, причем 24-я дивизия заняла батарею, а 7-я (Капцевича) стала правее ее.

Левее 4-го корпуса находилась 2-я армия, к левому флангу которой примыкали: дивизия корпуса Тучкова и почти весь корпус Багговута.

Таким образом, поиск Платова и Уварова принес существенную пользу нашей армии, однако, результаты его были бы гораздо более значительны, если бы он был заранее предусмотрен и заблаговременно организован. Случайность же и импровизированность этого поиска привели к тому, что Наполеон очень скоро убедился, что на его левый фланг произведено не очень серьезное нападение, что и дало ему возможность уже в 2 часа пополудни приказать вице-королю возобновить атаку на батарею Раевского.

Для атаки были назначены три пехотных дивизии IV корпуса, 8 полков кавалерийских корпусов Груши, Коленкура, заменившего Монбрена, а также Латур-Мобура.

Пехота сосредоточилась в 300–400 шагах от батареи, конница стала позади пехоты. Войска эти полукольцом охватывали русское укрепление. Многочисленная французская артиллерия продолжала обстреливать батарею Раевского с фронта и с обоих флангов.

Наступление войск вице-короля началось атакой кавалерийских корпусов Коленкура и Латур-Мобура на левый фланг 4-го и 6-го корпусов, расположенных у батарей. Несколько раз французская конница была отбита, хотя батарея Раевского, не законченная построшкой и почти скрытая продолжительным артиллерийским огнем и предшествовавшим пехотным боем, не представляла уже препятствия для атак конницы, которая прорывалась и через вал, и через ров. Наконец, около трех часов пополудни саксонские кирасиры Лоржа при содействии улан Рожнецкого ворвались в укрепление. Воспользовавшись этим, вице-король бросил на батарею 4-го пехотного полка. 24-я дивизия дрогнула, а начальник ее, Лихачев, больной и раненый, был взят в плен.

Тогда на помощь нашей пехоте была двинута кавалерия: сначала Кавалергардский и Конногвардейский полки, затем — полки 2-го кавалерийского корпуса, а вслед за ними и части 3-го

кавалерийского корпуса. Контратакам нашей конницы содействовала артиллерия от деревни Горок.

Между батареей Раевского и Семеновским произошел кровавый и упорный кавалерийский бой. В продолжение этого кавалерийского побоища вице-король окончательно утвердился пехотой на батарее Раевского, а русская пехота отошла на версту к опушке кустов, на которой южнее уже расположилась отступившая 2-я армия. Здесь же артиллерийские роты, сохранявшие порядок и снаряды, снялись с передков и открыли огонь, который остановил преследование французов.

Около 6 часов вечера русская армия занимала позицию в расстоянии $1\frac{1}{2}$ –1 версты от прежнего нашего расположения, уступив неприятелю батарею Раевского, Багратионовы флеши у деревни Утицы. Деревня Горки и вся местность правого берега реки Колочи от Горок до Масловских укреплений и реки Москвы оставались в руках наших. С обеих сторон продолжалась канонада. Ней и Мюрат просили у Наполеона подкреплений для нанесения окончательного удара, но он не решился ввести в бой свой последний резерв — старую гвардию. Огонь с обеих сторон постепенно затихал, и с наступлением темноты бой кончился.

В это время части русской армии располагались так: на правом фланге у Масловского укрепления находились не участвовавшие в бою 4 егерских полка из состава 2-го корпуса, 1-й кавалерийский корпус Уварова, 9 казачьих полков Платова и часть артиллерии 4-го корпуса. Далее от Горок на юг русские войска группировались: восточнее батареи Раевского — корпуса 6-й, 4-й и 5-й пехотные и 2-й и 3-й кавалерийские; против Багратионовых флешей — 7-й и 8-й пехотные и 4-й кавалерийский корпуса, затем 3-я пехотная и 2-я кавалерийская дивизии; на Старо-Смоленской дороге — 2-й и 3-й пехотные корпуса (без 3-й пехотной дивизии) и 6 казачьих полков Карпова; у Псарева оставались 15 рот артиллерии.

Несмотря на страшное расстройство, войска наши готовы были дать отпор противнику на новой позиции.

В основу всех наших операций с 8 августа до Бородинского сражения была положена мысль о невозможности без боя отдать Москву, причем признавалось необходимым, чтобы предстоящий бой произошел бы в наиболее благоприятных условиях, к чему и надлежало стремиться. Сознали также, что эти наиболее благоприятные для нас условия могут создаться лишь тогда, когда нами будет выиграно время, в течение которого наша армия оп-

равится после Смоленского боя, получит подкрепления, изберет соответствующую позицию и приведет ее в необходимый вид для боя с превосходным в числе противником. Наконец, этот же выигрыш времени, несомненно, мог привести французскую армию к утомлению, расстройству и вообще меньшей боеспособности.

Несмотря, однако, на такое сознание необходимости выиграть возможно больше времени, что могло быть достигнуто медленным отступлением, постоянною задержкою наступления французов значительными арьергардами на сильных позициях, недостатка которых в районе боевых действий не было, высшее управление нашими армиями в этот период войны в действительности такого выигрыша времени не достигло.

Барклай-де-Толли, принявший на себя ведение операций обеих армий, соединившихся в Смоленске, постоянно колебался, выказывал нерешительность. Арьергарды наши при отступлении от Соловьевой переправы до Бородина были несоответственно слабы, и состояли главным образом из казаков, не обладавших свойствами, необходимыми для упорной и по возможности продолжительной обороны позиций; организация управления арьергардами также не способствовала такому способу действий — прежде всего потому, что вследствие такой организации не могло быть единства действий арьергардов; лица, стоявшие во главе арьергардов, не всегда соответствовали своему назначению. Так, Платов весьма часто, не будучи ориентирован в общей обстановке и неправильно оценивая ее, почти всегда торопился с отступлением; к тому же, умело руководя действиями казаков и вообще конницы, он весьма неискусно управлял отрядами, в состав которых входили другие роды войск, особенно пехота. Наконец, в этот период операций, может быть, больше, чем когда-либо, сказывалось то несогласие, которое существовало между главнокомандующими обеими армиями и которое являлось следствием неудовлетворительности организации высшего управления в армии.

Обращаясь к тактическим частностям действий наших войск в рассматриваемый период войны 1812 года, прежде всего необходимо отметить, что в предложениях относительно расположения всех сил на избираемых позициях для боя против всей армии Наполеона видную роль играла идея сильного подвижного уступа, предназначавшегося или только для парирования обхода одного из флангов переходом в наступление или для широкого маневра во фланг наступающего противника при условии сдер-

живания его на фронте незначительными силами на сильно укрепленной позиции. Частные начальники в большинстве случаев искусно выбирали арьергардные позиции и умело занимали их. Они правильно понимали обстановку и верно оценивали маневры противника.

Арьергардные бои в каждом частном случае войсками собственно велись очень упорно и притом в полной мере активно. Эти упорство и активность достигались умелой обороной местных предметов, искусным употреблением всех родов войск в зависимости от их свойств и в соответствии с условиями местности вообще, широким пользованием конницей в качестве стратегической завесы, употреблением в полной мере перекрестного огня артиллерии и стрелкового одиночного — егерей, своевременным и стремительным штыковым ударом.

Удачным действиям арьергардов немало способствовали: занятие войсками передовых пунктов, умелое расположение и своевременные действия резервов, взаимодействие различных родов войск, упорство и стойкость их, проявляемая во всех случаях. Удачное применение светящихся ядер в ночных боях и поддержка в арьергардных делах кавалерии небольшими частями егерей являлись также тактическими частностями, способствовавшими боевому успеху наших войск в отдельных столкновениях с противником в период действий с 8 августа до Бородина.

Казалось бы, что столь целесообразные действия войск в каждом частном случае неминуемо должны были бы привести к общему окончательному успеху, к той цели, которую наметили себе руководители операций; однако, этого не случилось, и причиной этого являются не войска, проявившие и достаточное искусство, и высокое нравственное настроение, а высшее управление, нерешительное, постоянно колебавшееся и нередко вследствие этого выпускавшее общее руководство действиями из своих рук.

При той обстановке, которая во всем ее объеме сложилась после Смоленских боев, сражение где-либо между Смоленском и Москвой не вызывалось для нас стратегическими целями, и с этой точки зрения Бородинское сражение было нецелесообразно; оно явилось главным образом средством удовлетворения общественного мнения, во главе которого стоял Государь, и в то же время — искупительной жертвой за оставление Москвы.

Что же касается собственно места для сражения на полях Бородинских, то хотя выбор здесь позиции и нельзя признать удачным, по к этому выбору неминуемо привели: во-первых, ре-

зультат действий наших арьергардов после 8 августа, а во-вторых, — позиция при Бородине была последняя на протяжении от Смоленска до Москвы, где можно было бы вступить в бой с Наполеоном с надеждою на успех.

Впрочем, Кутузов не придавал особенного значения качествам позиции и потому недостатки Бородинской позиции не смущали его.

Крупнейшим недостатком как первоначальной позиции, так и той, на которой бой действительно разыгрался, была легкость обхода левого фланга, имевшего стратегическое значение, так как от него отходил путь отступления. Этот недостаток на первой позиции зависел от положения фланга, дававшего противнику возможность стать на пути отступления прямым движением без сопротивления обороняющегося, а на второй позиции — от тактических его невыгод, происходивших от отсутствия опорных на нем пунктов и наличности хороших подступов к нему.

Багратион и Кутузов отлично понимали невыгодные стороны позиции, и еще до начала на ней каких-либо боевых действий Кутузов, по инициативе Багратиона, стремится парализовать ее недостатки. Прежде всего это достигалось введением поправки в местные условия изменением направления фронта позиции, а после Шевардинского боя — изменением расположения на ней войск и новым ее усилением в инженерном отношении.

Вводя, однако, те и другие изменения, Кутузов не ориентирует частных начальников как относительно самих изменений, так и мотивов, вызвавших их. Вследствие этого только начальники, способные к проявлению частного почину, могли действовать согласно вновь созданным условиям; те же, кто не обладал этой способностью, действовали вопреки обстановки и тем немало мешали в последующем генеральном сражении осуществлению замыслов главнокомандующего.

В результате фортификационное усиление различных участков позиции не соответствовало их естественным свойствам — наиболее сильные участки были и сильнее укреплены. К тому же, недостаточность соответствующей организации в этом отношении не позволила выполнить все инженерные работы на Бородинской позиции с должным совершенством.

Расположение войск на позиции не вполне соответствовало ни значению и свойствам ее различных участков, ни силе фортификационных сооружений — более важные, более сильные и более укрепленные участки были и заняты сильнее.

Такое положение вещей объясняется в значительной степени той предвзятостью, с которой Кутузов относился к вероятному способу действий противника при его атаке Бородинской позиции и которая, в связи с предшествующими операциями французов, приводила его к заключению, что Наполеон в день сражения будет обходить наш правый фланг.

Боевой порядок, в котором была построена на позиции русская армия, носит на себе отпечаток и линейной, и глубокой тактики: позиция разделена на участки, оборона которых возложена на определенные тактические соединения, начиная от армий и до полков, и в то же время, помимо участков армейских, корпусных, дивизионных и полковых, армия делится на центр и два крыла, начальствование над которыми вверено специальным начальникам. Впереди боевого порядка были рассыпаны стрелки; пехота стояла в две линии, причем в каждом полку один батальон в 1-й линии и другой — за ним во 2-й, играя роль частного резерва; в каждом корпусном участке имелся свой резерв, каждая армия имела армейский резерв и, наконец, был еще и общий резерв; фланги боевого порядка прикрывались значительными конными отрядами.

Таким образом, все элементы глубокого боевого порядка в расположении армии на Бородинской позиции были налицо.

Численное превосходство противника и гениальное искусство его вождя вынудили русского главнокомандующего целью Бородинского боя поставить: «привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям».

Следствием такой постановки цели сражения явились: во-первых, отказ от всякой активности, а во-вторых — отсутствие какого бы то ни было плана, проникнутого одной идеей.

Не имея определенного плана сражения и поставив себе целью боя «действовать сообразно его (неприятеля) движениям», Кутузов естественно и частным начальникам не мог дать определенных частных задач, вытекающих из общей идеи боя, однако, «командовать» армией он отказался и управлял боем на началах самодеятельности, что и выразил в диспозиции, данной накануне сражения, в следующих словах: *«Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г.г. главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля».*

Большинство частных начальников в достаточной мере оправдали возлагаемые на них Кутузовым надежды, и Бородинс-

кое сражение дает немало блестящих примеров проявления ими частного почина.

Однако Кутузов не выпускал из рук общего управления боем, что и сказалось прежде всего в том, что «куда бы Наполеон ни замышлял обрушиться, где бы ни думал сломить русских, везде вовремя, в урочную пору подоспевали подкрепления нашим войскам».

При успехе Кутузов намеревался преследовать противника, о чем были предупреждены все начальники; на случай неудачи были распределены дороги для отступления сражавшихся корпусов, о чем было сообщено только главнокомандующим армиями.

Совокупность неблагоприятных условий, при которых русской армии приходилось вести генеральное сражение с французами при Бородине, Кутузов стремился восполнить высоким моральным духом своих войск, для чего он накануне боя принимает меры для нравственной подготовки армий и, благодаря тому, что эти меры отвечали народному духу русского человека, достигает в этом отношении громадных результатов.

Частные начальники под Бородиным выказали в общем хорошую подготовку — в этом отношении необходимо особо выделить: Барклая, Багратиона, Дохтурова, Ермолова, Раевского, Платова, Тучкова 1-го, Коновницына, Воронцова и некоторых других.

Все они способствовали чрезвычайной активности Бородинского боя, несмотря на оборонительную его цель. Эта активность, проявленная и в Шевардинском бою, и в действиях 25 августа, и, наконец, в самом Бородинском сражении, достигалась постоянными контратаками конницы и пехоты — причем каждое пришествие хотя бы самых незначительных подкреплений влекло тотчас же за собою переход в частное наступление с непременно охватом противника.

Все роды войск явили себя отлично обученными и прекрасно воспитанными. Егеря энергично и в полной мере пользовались стрелковым огнем. Пехота упорно отстаивала порученные ей участки и энергично штыками сбрасывала неприятеля, захватившего их; конница решительно и лихо атаковала массами как конницу, так и пехоту противника, и при случае развивала свои действия на флангах и в тылу наступающего; артиллерия, сосредоточенная в батареях, умело вела огонь, нанося сильные потери врагу. Однако не совсем правильное использование артиллерии высшим командованием, выразившееся в оставлении в специаль-

ном артиллерийском резерве слишком большого числа орудий, вовремя не введенных в бой, привело к тому, что наша артиллерия под Бородиным не принесла нам всей той пользы, которую от нее можно было бы ожидать.

Взаимодействие различных войск, основанное на проявлении взаимной выручки, было полное: артиллерия своим огнем и конница — своими стремительными атаками способствовали действиям пехоты, которая, в свою очередь, прикрывала артиллерию и давала прочную опору для конницы и при атаках, и при отходе после них.

В общем, все проявили достаточное умение маневрировать, полное самоотвержение, презрение к опасности, беззаветный порыв своею кровью и жизнью поддержать славу своих победных знамен, сохранить честь и достоинство своей родины и спасти ее от нашествия и разорения многочисленного врага.

Поведение русских войск в сражении при Бородине было выше всяких похвал; в руках французов почти не было ни трофеев, ни пленных; дух армии, несмотря на страшные потери, оставался прежним и она была все тою же грозною и еще несокрушенною силою, готовою вступить в новый бой с прежним воодушевлением, с прежним желанием победить или умереть.

Наполеон составил план Бородинского боя и вел его с присутствием ему искусством, однако, не с прежней решительностью; его маршалы, с полным напряжением энергии ведя тяжелый бой с небывало упорным и стойким противником, не раз одерживали частные успехи. Но Наполеон крайне неохотно поддерживал своих верных сподвижников, и в решительный момент отказался двинуть в дело свой последний резерв, свою старую гвардию — и тем, быть может, лишил себя победы, позволив «французской армии расшибиться о русскую».

3. Краткий очерк войны 1812 года после Бородинской операции

Отступая от Бородина, русская армия была уверена, что под Москвою будет дано еще сражение Наполеону, так как полагали, что отдать Москву без боя никак нельзя.

Однако, численное превосходство противника — у него после Бородинского сражения осталось 100 тысяч человек, а у нас — около 60 тысяч человек — и неимение между Можайском и Москвою позиции, выгодной для боя, заставили Кутузова на воен-

ном совете в Филях 1 сентября, вопреки общему желанию, решиться на оставление Москвы без боя.

На совете Кутузов так объяснил свое решение:

«С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступить».

2 сентября армия прошла через Москву. В тот же день вслед за арьергардом Милорадовича французы вошли в Москву, где и остановились. Преследование русской армии продолжал лишь авангард Мюрата.

Сделав два перехода по Рязанской дороге, Кутузов повернул вправо и опасным, но очень искусным фланговым маршем перешел к селу Красная Пахра на Калужской дороге. Следуя по этой дороге, армия 20 сентября заняла Тарутино, где подготовила позицию, прикрывавшую Калугу, Тулу, Брянск и вообще южные плодородные губернии и в то же время являвшуюся фланговой по направлению Москва — Смоленск.

Два кавалерийских корпуса и казаки Платова, под начальством Милорадовича, составляя авангард, расположились против Мюрата, который занял деревню Винково на правом берегу реки Чернишни. С прибытием наших войск к Тарутино было уничтожено разделение их на две армии.

До 6 октября обе армии бездействовали и за это время войска наши, получая все необходимое из южных губерний, оправались и к ним прибыли подкрепления, доведшие их силы до 97 тысяч человек, не считая казаков.

К тому же времени относится развитие в значительных размерах действий партизанских отрядов, устремившихся на сообщения противника, чтобы отрезать его от источников пополнения его сил и средств.

Между тем, из Москвы все было или вывезено или сожжено покинувшими ее жителями, и Наполеону приходилось для своей армии или получать все подвозом или собирать все необходимое в окрестностях опустошенной столицы.

Отряды Фигнера, Давыдова, Сеславина, Дорохова и многих других кольцом охватили расположение французов в Москве и, производя постоянные набеги, прервали все сообщения француз-

ской армии с ее тылом. Почти каждый транспорт делался их добычей, и ни одна фуражировка в окрестностях Москвы не проходила благополучно.

Весьма важным подспорьем для партизанских отрядов служили партии народных партизанов и народные дружины из ополчений, Тверского, Рязанского, Тульского, Калужского, стоявших на всех почти дорогах, ведущих к Москве.

При таких обстоятельствах французская армия чуть ли не с первого дня вступления в Москву стала терпеть во всем недостаток и очень скоро пришла в полное расстройство. Тогда Наполеон обратился к императору Александру I с мирными предложениями, но они не были приняты. Потеряв надежду на мир, Наполеон начал готовиться к выступлению из Москвы.

Зная тяжелое положение французской армии, Кутузов решил перейти в наступление и, пользуясь отдельным положением арьергарда Мюрата и его неудачным расположением, атаковать его.

Целью наступления 6 октября, приведшего к Тарутинскому сражению, было атаковать левый фланг противника, опрокинуть его и, заняв Московскую дорогу, отрезать неприятелю путь отступления.

Удачный план сражения был выполнен недостаточно удовлетворительно и потому не привел к желательным результатам — хотя Мюрат отступил по направлению в Москве и, помимо убитых и раненых, французы потеряли 38 орудий и 1500 человек пленными.

Тем не менее, Тарутинское сражение имело громадное значение главным образом в моральном отношении, как первое более или менее успешное наше наступление.

Получив в тот же день сведения о результате Тарутинского сражения, Наполеон решил тотчас покинуть Москву, оставив в ней для прикрытия обозов, направленных в Смоленск, и для разрушения города корпус Мортье.

Желая придать своему отступлению вид наступления и, главное, имея намерение, обойдя левый фланг русской армии, оттеснит ее на юг, чтобы тем самым выиграть пространство для своего отступления на запад, Наполеон вечером 6 октября выступил из Москвы по Старой Калужской дороге навстречу своему авангарду, затем, соединившись с ним, перешел на Новую Калужскую дорогу и направился через Боровск на Малоярославец.

Узнав о появлении французов на Новой Калужской дороге, Кутузов для задержки их выслал на Фоминское Дохтурова с 6-м

пехотным и 1-м кавалерийским корпусами; получив же сведения, что значительные силы противника сосредоточиваются к Малоярославцу, двинул туда от Тарутина всю армию.

Между тем, Дохтуров, получив те же сведения, по своей инициативе, также двинулся от Аристова, где ночевал, по дороге на Фоминское, к Малоярославцу.

12 октября Дохтуров прибыл к этому городу; здесь соединился с казаками Платова, высланными Кутузовым, и вступил в бой с передовой французской дивизией, уже успевшей занять город.

Вследствие упорства обеих сторон и последовательного введения в дело своих сил бой был в высшей степени горячий и продолжался 18 час, во время которых город 8 раз переходил из рук в руки. Лишь поздно ночью французы овладели Малоярославцем — что, впрочем, не помешало Дохтурову достигнуть цели: задержать наступление французов до сосредоточения близ него всей нашей армии.

Сосредоточение армии в $2\frac{1}{2}$ верстах к югу от Малоярославца закончилось поздно ночью 12 октября. К этому же времени у Малоярославца сосредоточилась почти вся армия Наполеона.

13 октября прошло в бездействии — оба вождя враждующих сторон обсуждали вопрос о дальнейших действиях, и оба этот вопрос решили не в пользу решительных действий: Наполеон 14 октября начал отступление через Боровск в Можайск на Смоленскую дорогу; Кутузов, все еще опасаясь, ввиду появления французов в Медыни, обхода своего левого фланга и движения противника на Калугу, сначала передвинулся к Детчино, а 16 октября сосредоточил всю армию к Полотняным заводам.

В этот день Наполеон достиг Можайска и направился дальше в одной колонне к Смоленску.

Узнав об этом, Кутузов решил дивизией Паскевича и казаками Платова преследовать Наполеона непосредственно с тыла по большой дороге, а остальными силами идя параллельно с ним, чтобы на каждом шагу угрожать пути его отступления. Ввиду этого от Полотняных заводов русская армия двинулась на Медынь и Вязьму, а небольшой отряд ген.-ад. Кутузова² — правее большой дороги на Рузу и Сычевку.

Такое преследование заставило французов отступать безостановочно по разоренному уже пути, а это неминуемо должно было привести к полному их расстройству.

22 октября Милорадович, идущий в авангарде наших сил, совместно с Платовым атаковал не успевших пройти Вязьму Нея,

вице-короля, Понятовского и Даву и нанес им значительные потери, взяв многочисленных пленных.

Безостановочное отступление усиленными переходами по разоренной дороге при недостатке продовольствия внесло во французскую армию страшный беспорядок, подорвало дисциплину, привело к упадку духа до такой степени, что многие солдаты бросили свое оружие, разбрелись по сторонам дороги, отыскивая себе продовольствие и грабя свои собственные обозы.

24 октября Наполеон прибыл в Дорогобуж, откуда для удобства продовольствования направил вице-короля на Духовщину и Витебск, а отряд Ожеро — на Ляхово.

28 октября Наполеон прибыл в Смоленск. В этот же день Платов атаковал вице-короля на реке Вопь и взял у него 64 орудия (из 76), а партизаны, Сеславин, Давыдов и Фигнер, уничтожили у Ляхова отряд Ожеро.

31 октября к Смоленску подошел и вице-король, которого ген.-ад. Кутузов предупредил в Духовщине и который поэтому отказался идти на Витебск.

В Смоленск французская армия прибыла в страшном расстройстве, голодная и оборванная: под ружьем она имела теперь не более 50 тысяч человек да около 40 тысяч человек безоружных, но требовавших пропитания людей сопровождало ее.

Наполеон хотел остановиться в Смоленске на зимних квартирах, но безостановочное движение главных сил Кутузова при недостаточности боевой силы французской армии заставило Наполеона отказаться от этой мысли.

2 ноября Наполеон выступил из Смоленска по дороге к Красному. Желание дать возможность своим войскам становится ночью на квартирах при убеждении Наполеона в том, что русская армия идет очень медленно, привело его к мысли вести армию эшелонами по корпусам в расстоянии перехода один от другого. Вследствие этого французы растянулись на 4 перехода и подверглись неминуемой опасности быть разбитыми по частям.

4 ноября Наполеон с гвардией прибыл к городу Красному и, узнав, что Кутузов находится в расстоянии лишь одного перехода, принял чрезвычайно смелое, но вполне целесообразное решение остановиться здесь и тем облегчить отступление следующих за ним корпусов.

В этот день главные силы Кутузова прибыли к деревням Новоселки и Шклово, а авангард Милорадовича имел у Мерлина дело с корпусом вице-короля, который потерял около 2 тысяч

человек и всю свою артиллерию, однако, все же успел присоединиться к Наполеону.

5 ноября, предполагая, что Наполеон уже ушел из Краснаго, Кутузов решил отрезать от него подходившие в этот день к Красному Даву и Нея.

Начатый приводиться в исполнение прекрасно составленный Кутузовым план боя, ввиду искусных контрманевров Наполеона, не был, однако, доведен до конца, и Даву, потеряв 6 тысяч человек пленными и 45 орудий, почти со всеми его силами удалось присоединиться к Наполеону, который в этот же день, узнав о подходе всех сил русских, продолжал отступление на Ляды; Ней же был предоставлен императором самому себе. Это обстоятельство привело к случайному для обеих сторон бою 6 ноября под Красным между Милорадовичем и Неем. Стремление присоединиться к Наполеону, следуя левым берегом Днепра, ему не удалось, а попытка сделать это, переправившись на правый берег, окончилась почти полным рассеянием его корпуса казаками Платова.

8 ноября Ней привел к Наполеону, который 7-го занял Оршу, только 800–900 человек. Дело под Красным совершенно расстроило французскую армию: за эти дни она потеряла 20 тысяч человек пленными, 228 орудий, несколько орлов и жезл маршала Даву.

В Орше Наполеон сделал несколько распоряжений, чтобы привести в порядок свою армию, переорганизовать ее, снабдить ее артиллерией и всем необходимым. Здесь же, чтобы придать своей армии более устойчивости, он приказал действовавшим на севере против Витгенштейна Удино выйти на большую дорогу и следовать в авангарде армии к Борисову, а Виктору — став у Черей — прикрывать армию от Витгенштейна с правого фланга и потом следовать за нею в арьергарде.

10 ноября Наполеон прибыл к Толочину и здесь от Удино из Бобра получил сведение, что накануне авангард Чичагова, под начальством Ламберта, занял Борисов. В то же время Платов и Ермолов, миновав Оршу, теснили Наполеона непосредственно с тыла; Милорадович с авангардом подходил к Копысю; главные силы Кутузова следовали за Милорадовичем; Витгенштейн — от Чашников двигался к Черее; партизанские отряды окружали французскую армию с севера и с юга.

Таким образом, Наполеон со всех сторон был окружен нашими войсками, и положение его было в высшей степени критическим.

Такое положение французской армии не явилось случайностью, а было следствием планомерного выполнения предложений императора Александра I, начертанных им еще до вступления французов в Москву и заключающихся в том, чтобы согласовать действия всех наших войск в целях опрокинуть боковые неприятельские корпуса и соединить на пути отступления Наполеона такие силы, которые преградили бы ему дорогу в то время, когда главная армия Кутузова станет теснить его с фронта.

В то время как Кутузов теснил главные силы Наполеона с фронта, на флангах происходило следующее:

Витгенштейн, усиленный до 40 тысяч человек, после двухдневного боя 6-го и 7 октября под Полоцком вынудил французов в их большей части к отступлению к Чашникам. Разрушенный мост через Двину не позволил Витгенштейну тотчас преследовать разбитого врага, и он только 12 октября выступил из Полоцка к Лепелю, соединился с 10-ю тысячами человек Штейнгеля, шедшими из Риги, и, оттеснив французов от Чашников, здесь остановился, выжидая известий от Чичагова, чтобы свои дальнейшие действия, согласно плану императора Александра I, согласовать с его действиями.

После сражения при Городечне армия Торماسова и корпус Шварценберга, разделенные рекой Стырью, оставались в бездействии до начала сентября, когда к русским прибыла Дунайская армия Чичагова. Соединившись, Дунайская и 3-я Западная армии, имея в общем 60 тысяч человек, признали своевременным в половине сентября перейти в наступление к Бресту, который они в конце сентября и заняли.

Шварценберг отступил за Буг и расположился у Дрогичина, а наши войска, за отъездом Торماسова поступившие под единоличное начальство Чичагова, оставались в полном бездействии почти три недели в окрестностях Бреста.

В половине октября, согласно общему плану, Чичагов, оставив в Бресте 27 тысяч Сакена для наблюдения за Шварценбергом, с 30 тысячами человек двинулся через Пружаны и Несвиж к Минску. Заняв Минск, Чичагов двинулся к Борисову, который был занят дивизией Домбровскаго, прибывшего туда из Бобруйска.

9 ноября авангард Чичагова, под начальством Ламберта, выбил Домбровскаго из Борисова и занял его.

Узнав, что Борисов занят русскими, Наполеон приказал шедшему в авангарде Удино овладеть Борисовым во что бы то ни стало и навести на Березине мосты, там, где это окажется удобнее. Удино удачно выполнил возложенную на него задачу и 11 ноября занял Борисов, но мост через Березину нашими отступающими частями был сожжен.

Положение французской армии к этому времени было поистине ужасно: она шла к Борисову в одной колонне, растянувшись на 40 верст в невообразимом расстройстве; число безоружных людей, следовавших за армией, превышало число способных сражаться. Окруженная неприятелем со всех сторон, вынужденная при дальнейшем движении переправляться через значительную реку с болотистыми берегами, обороняемую 30 тысячами человек, французская армия, казалось, была на краю гибели.

Но благоприятно сложившиеся для нее обстоятельства и гений Наполеона спасли остатки его «Великой Армии». Чрезвычайно искусная демонстрация Удино, необыкновенная энергия, проявленная Наполеоном, неумение Чичагова разобраться в обстановке, неверные сведения у него о состоянии и численности французской армии, неискусные действия наших частных начальников, медленность движения Кутузова с главными силами, боязнь наших старших начальников иметь дело с Наполеоном, не налаженность их взаимных отношений, — все это привело к тому, что, несмотря на проявленное нашими войсками в ряде боев отдельных частей армии присущее им стремление выполнить свой долг до конца, чрезвычайно трудная 5-дневная, с 12-го по 16 ноября включительно, операция Наполеона переправы через реку Березину увенчалась успехом, хотя и стоила французам около 30 тысяч человек. Только 9 тысяч человек с 24 орудиями остались у Наполеона после переправы через Березину. Он направил их в Вильну.

Решив, что в такое время его присутствие более необходимо в Париже, чем при жалких остатках его еще так недавно великой армии, Наполеон 23 ноября из Сморгони тайком уехал в Париж, передав командование армией Мюрату.

От Березины наши войска получили такое направление, чтобы войска Мюрата отрезать от корпусов Макдональда и Шварценберга. С этой целью армия Чичагова следовала по большой Виленской дороге, Витгенштейн шел правее, а Платов — левее Чичагова; Милорадович и Кутузов направились на Ольшаны и Новые Троки.

В Вильне Мюрат надеялся дать хотя бы немного отдохнуть своим измученным войскам. Но это не удалось. Несмотря на присоединение к Мюрату дивизии Луазона, прибывшей недавно в Вильну, французам 28 ноября пришлось спешно покинуть Вильну, к которой в этот день подошли с разных сторон русские войска. Платов в окрестностях города на Панарских высотах нанес поражение арьергарду противника и преследовал его до самого Немана. 1 декабря французы перешли в Ковне через Неман в количестве всего 2 тысяч человек с 9 орудиями — это все, что осталось от великой их армии, за исключением корпусов Макдональда, Шварценберга и Ренье.

Армия Чичагова, дойдя до границы, расположилась вдоль правого берега Немана. Главная армия Кутузова заняла квартиры в окрестностях Вильны.

Если во французской армии потери были значительны, то и у нас они были не малые: из 100 тысяч человек, выступивших из Тарутина, к границе теперь подошли только около 50 тысяч человек. Но, конечно, наши больные и отсталые присоединились впоследствии к армии, потери же французов были невозвратны.

Фланговые корпуса французской армии не знали долго о том, что происходило с главной армией. Макдональд только к 6-му декабря получил приказание отступать. Он двинулся от Митавы через Шавли к Тильзиту и, несмотря на стремление Витгенштейна отрезать его, благополучно отступил к Кенигсбергу. Входившие в состав его корпуса прусские войска под начальством Йорка, по соглашению с Дибичем, отделились от французов и объявили себя нейтральными.

Шварценберг также до декабря оставался в окрестностях Слонима, а Ренье — в Ружанах. Известие об отступлении главной французской армии за Неман заставило их также отступить.

Итак, через 6 месяцев, после перехода армии Наполеона через Неман ни одного вооруженного неприятеля не осталось в пределах России. Однако император Александр I не считал войну оконченной. Прибыв 11 декабря в Вильну, он тотчас приступил к распоряжениям о походе за границу.

4. Заключение

Обращаясь к общим выводам и к тому значению, которое имела война 1812 года в истории нашего военного искусства, необходимо сказать следующее.

На характер ведения войны в 1812 году, как в общем, так и в частностях, влияли преимущественно четыре обстоятельства:

Во-первых, война 1812 году была уже пятой войной в царствование императора Александра I и третьей войной против Наполеона. Это, с одной стороны, дало богатый боевой опыт и нашим военачальникам и нашим войскам вообще, а с другой стороны, приучило нашу армию к Наполеону как с точки зрения подчинения его личному обаянию, так и с точки зрения способа его действий.

Во-вторых, в эту войну нам пришлось действовать несколькими группами, состоявшими из значительного числа войск и разъединенными большими пространствами, но преследовавшими одну и ту же цель, и потому и выполнявшими ряд частных задач в духе одной общей идеи. Другими словами, война 1812 года обладала такими особенностями, которые заставляют признать ее тем, что называется «большой войной».

В-третьих, война 1812 года, после Великой Северной войны с Карлом XII, т.е. после более чем ста лет, впервые велась на Русской территории. Этот факт имел тем большее значение, что при очень частых войнах всего XVIII и начала XIX столетия в рядах армии в 1812 году не было ни одного солдата, ни одного генерала, которые когда-либо испытывали бы горечь вторжения неприятеля в священные пределы родной земли.

И, наконец, в-четвертых, в войну 1812 года нравственный элемент в армии, ее дух стоял на громадной высоте. Это настроение в армии улавливали почти все наши генералы, и, понимая первенствующее значение нравственного элемента на войне, они искусно пользовались высоким духом армии и давали ему наилучший и наиболее полезный исход для хода войны вообще и для отдельных ее операций — в частности.

На общем фоне указанных характерных черт войны 1812 года в области стратегии и тактики можно в эту войну подметить приводимые ниже частности, которые в совокупности достаточно рельефно определяют особенности проявленного нами в Отечественную войну военного искусства.

Стратегия наша в начале войны, безусловно, подчинялась немецким учениям без какого бы то ни было учета национальной обстановки, в которой приходилось действовать нашей армии. С течением времени, однако, несоответствие, сказавшееся здесь, заставило мало по малу выйти из под опеки немецкой мысли и в дальнейшем основывать свой план действий на русской

идее, согласованной с современной национальной обстановкой и подтвержденной исторически.

Несмотря на то что армия наша в целом уже привыкла к Наполеону и, опираясь на недавнее прошлое, имела право не считать его непобедимым, тем не менее, наши военачальники не решались вести против гениального полководца наступательных операций, пока совокупность всех условий (среди которых, впрочем, отсутствовали активные действия главной массы нашей армии) не заставила Наполеона обратиться к отступлению.

Однако оборонительные операции мы вели решительно, упорно, смело и мужественно. Когда же обращались к наступлению — до начала отступления французов из Москвы в виде исключения, а в период этого отступления уже в виде правила, — то, ставя правильно себе цели, не решались прибегать к необходимым сильным средствам, а потому в большинстве случаев и не достигали поставленных себе задач.

Нельзя, однако, не отметить, что из всех операций Наполеона в 1812 году удались только: Виленская, включая в нее переход через Неман и занятие Вильны в начале кампании, и затем Березинская — в конце кампании, когда Наполеон напряжением всего своего гения прорвал железное кольцо из русских армий, казалось, готовое окончательно уничтожить французов с их великим полководцем.

Заблаговременная и предусмотрительная, но недостаточно напряженная подготовка к третьей войне с Францией не исключила обычного греха нашего, и мы в войну 1812 года на важнейшем театре войны не сумели сосредоточить достаточное количество сил.

Не остались мы свободны и от другого, почти всегда сопровождавшего нас крупного недостатка: в начале войны, равно как и в конце ее, организация высшего управления оставляла желать многого. Присутствие императора при армии в первые недели войны, наличие двух главнокомандующих с равной властью в течение следующих нескольких недель, вмешательство верховной власти в составление плана и в организацию операций в конце войны, — все это имело следствием отсутствие во главе армии облеченного единовластием и «полной мочью» главнокомандующего, что приводило обыкновенно к принятию не решительных мер, а только полумер и крайне неблагоприятно поэтому отражалось на наших операциях.

Несмотря, однако, на отсутствие в течение значительной части войны единого и полномочного главнокомандующего, вой-

ска наши с успехом действовали несколькими группами во взаимной связи между собою, объединенные общими целями и одной и той же идеей операции. Такой результат при данных условиях мог получиться лишь при наличии частных начальников, достаточно к этому подготовленных и обладавших частным починком, самостоятельностью и самодеятельностью. Такими начальниками и были в армии эпохи Отечественной войны большинство командующих армиями корпусных командиров и начальников дивизий и многие из командиров полков.

Заслуги этих частных начальников в данном отношении тем большие, что высшее командование, проводя на практике способ управления как на театре войны, так и на поле сражения, основанный на самостоятельном выполнении частными начальниками с данными им средствами частных задач, вытекающих из единой общей цели, не обладало в достаточной мере навыком ориентировать этих начальников в изменениях обстановки и в принятии новых решений на основании этих изменений.

Преимущественно оборонительный образ действий в войну 1812 года не привил нашей армии, что обыкновенно при таких условиях бывает, излишнего увлечения местным элементом; это и сказалось в том, что в армии нельзя заметить привязанности к крепким позициям, и что наши начальники при необходимости дать оборонительный бой не ищут наилучших позиций, полагаясь больше на искусство действий и высокий дух армии, чем на те или другие достоинства позиции.

Некоторым коррективом к недостаточно активным действиям наших армий в 1812 году развились в широких размерах партизанские действия, в которых как бы сосредотачивалась присущая нашим войскам подвижность, лихость, стремление к деятельности вообще и в частности — к нападению.

Как бы производной от этих партизанских действий явилась идея о полезности самостоятельных, с разными целями, но главным образом для действий на флангах и в тылу противника, операций масс конницы, которая, к тому же, в некоторых случаях поддерживалась непосредственно небольшими частями егерской пехоты.

С течением времени взаимодействие, с точки зрения дальнейшего роста партизанских действий и самостоятельных операций масс конницы, привело к тому, что и те и другие не только развились сами по себе, но и до некоторой степени слились между

собой, а потому иногда и трудно определить границы, где одни переходят в другие.

Подобно тому, как в начале войны, вырвавшись из плена немецкой мысли, мы обратились к способу действий, указанному историей и диктуемому национальными особенностями обстановки, так и в конце войны, приведенный к необходимости преследовать отступающего противника, наш главнокомандующий избрал способ преследования, тоже указанный историей, а именно — параллельный.

Война 1812 года невольно заставляет вспомнить «Жолкиевский» план Петра Великого, выполняемый им в 1706–1709 годах, и параллельное преследование Шведской армии, следовавшей от Смоленска в Украину в 1708 году.

В войну 1812 года мы преимущественно вели оборонительные бои; наступательные бои получили развитие лишь только после оставления нашим противником Москвы; однако, и эти бои, нужно признать, ведутся недостаточно решительно, робко, и нередко хорошо задуманные, они не доводятся до решительного конца только лишь потому, что становится известным, что против наступающих и наших войск действует сам Наполеон. Почти все планы наступательных боев в основе имеют действия несколькими группами или колоннами, из которых одна направляется в обход какого-либо фланга противника и предназначается для нанесения решительного удара.

Планы оборонительных боев всегда имеют в основе идею подвижного уступа, который предназначается или для парирования обхода или реже для маневра во фланг наступающего противника.

Большие массы войск, участвовавшие в сражениях, широкое использование огня и стремление к маневру, создав новые условия для ведения боя, требующие прежде всего не командования войсками, а управления ими, мало-помалу вынуждают наших военачальников отказаться от стремления занимать небольшие по фронту и неглубокие позиции.

Для увеличения длительности боя, ограниченный предел которой обуславливался несовершенством огнестрельного оружия, а также для восполнения мало развитой разведки непосредственно перед боем, впереди позиции избирались передовые опорные пункты; фланги же позиции обеспечивались уступами за ними.

Позиции при первой к тому возможности усиливались в инженерном отношении, для чего всегда принимались те или дру-

гие меры. Боевой порядок войск, занимающих позицию, строится на принципах перпендикулярной тактики и приобретает уже достаточную глубину; однако, армия наша все же еще в построении для боя не отказывается совсем и от линейности.

Особенно сильное проявление влияния глубокой тактики сказывается: в разделении позиции на участки, оборона которых поручается определенному тактическому соединению; в наличии разного рода резервов, которые правильно располагались, умело употреблялись и давали возможность вести бой из глубины; и в способе управления войсками в бою.

Оборонительные бои ведутся крайне активно, однако, эта активность выражается главным образом в производстве коротких контратак, причем сигналом для последних служит почти всегда прибытие подкреплений к той или другой части войск, ведущих непосредственно бой.

В сражении стремятся к возможно большему развитию стрелкового боя, для чего пользуются почти исключительно егерскими войсками, рассыпая их в цепь впереди боевого расположения прочих войск. Линейная пехота располагалась на позиции в две линии колонн.

Артиллерия разбрасывалась по всей позиции небольшими группами, причем так, чтобы всегда можно было бы впереди лежащую местность обстреливать перекрестным огнем. Идея артиллерийского резерва на основании опыта предшествовавших войн окончательно утвердилась у нас и на практике вылилась в уродливую форму, явившуюся препятствием к целесообразному использованию артиллерии.

Кавалерия располагалась частью за пехотой, играя роль как бы частных резервов крупных тактических соединений войск, занимавших определенный участок позиции, частью же за флангами обеспечивая их.

В действиях отдельных родов войск не замечается ничего нового по сравнению с предшествующими войнами этого царствования; необходимо только отметить, что все войска, в условиях принятого способа пользования ими, действовали очень искусно. То же можно сказать и относительно отдельных действий более или менее значительных тактических соединений, но высшее управление не всегда умело направить их частные усилия к одной общей цели.

Говоря об особенностях, проявленных в Отечественную войну нашими войсками в стратегических и тактических действи-

ях, необходимо отметить, что, несмотря на многие несовершенства в тех и других, наша армия в эту войну больше, чем в какую либо другую, достигла громадных результатов, явившись бесспорной победительницей величайшего полководца, Наполеона. И такие результаты достигнуты при наличии всех прочих условий, благодаря тому высокому нравственному напряжению, которым была одержима наша армия, благодаря ее высокому духу, а также тому моральному единению, которое господствовало между всеми частями и даже родами войск и влекло за собою их тесное тактическое взаимодействие.

Наконец, нельзя не упомянуть, что весьма важную роль в деле одержания нами побед над «двадцатью языками», наводнившими нашу родину в 1812 году, сыграли необычайные военные дарования Кутузова, его своеобразный громадный полководческий талант.

Итак, война 1812 года способствовала утверждению или появлению у нас в военном искусстве следующих идей и способов проведения их в жизнь, которые впоследствии оказали несомненное влияние на дальнейшее развитие нашего военного искусства:

1) Необходимость плана войны и выполнение его последующих операций согласовать с национальными особенностями обстановки, не пренебрегая в этом отношении и историческими традициями.

2) Утверждение основ глубокой тактики — как при построении боевого порядка, так и при ведении боя.

3) Придание первенствующего значения нравственному элементу.

4) Широкое развитие идеи артиллерийского резерва, выполнение которой на практике приводит к уродливым формам пользования артиллерией.

5) Широкое развитие партизанских действий и самостоятельных операций масс конницы.

6) Пользование завесой из самостоятельной конницы, действующей перед фронтом.

7) Действие несколькими группами, выполняющими частные задачи в соответствии с общей целью.

8) Необходимость в бою опираться на искусство действий и на дух армии, а не на те или другие достоинства позиции.

9) Отказ от тесных по фронту и в глубину позиций.

10) Пользование передовыми пунктами и позициями.

- 11) Стремление усилить позицию цепью отдельных укреплений.
- 12) Чрезвычайная активность в оборонительном бою.
- 13) Попытки управлять в бою на началах самостоятельности частных начальников.

Комментарии

¹ Так в оригинале.

² Имеется в виду генерал-адъютант граф Павел Васильевич Голенищев-Кутузов (1772–1843), офицер штаба 1-й Западной армии. 9 ноября он доносил императору из Бабиновичей о взятии его отрядом в плен двух французских генералов, одного полковника, нескольких офицеров и множества нижних чинов.